
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 1 ЯНВАРЬ 1986
С Новым годом!

Рисунок Херлуфа **БИДСТРУПА**

Михаил ЛЬВОВ

Новогоднее

Да здравствуют
прекрасные порывы,
Которые
изведать нам дано!
Да здравствуют
в Грядущее
прорывы
И возвращенье
памятью
в Давно!
Да здравствуют
и планы, и реальность,
Которые
живым
в руках держать!
Да здравствуют
прорывы
в гениальность
У всех творцов,
умеющих дерзать!
Да здравствуют
бессмертие Природы
И Вечность
человечества всего!
Да здравствуют
все сущие народы,
Без исключений
все до одного!
Земля, забудь
о ссорах и раздорах!
Пусть вечно в мире
этот Мир живет!
Так — в ореоле
пожеланий добрых —
Душа моя вступает
в Новый год.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (3050)

1—4 ЯНВАРЯ

Во время беседы. Фото ТАСС

Встреча М. С. Горбачева с американским сопредседателем международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» Б. Лауном

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял 18 декабря в Кремле американского сопредседателя международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» профессора Б. Лауна. Во встрече принял участие советский сопредседатель движения академик Е. И. Чазов.

В ходе состоявшейся беседы Б. Лаун рассказал о деятельности движения, насчитывающего в своих рядах более 145 тысяч врачей и медицинских работников из более чем 50 государств. Изучая возможные медико-биологические последствия ядерной войны и информируя о полученных данных общественность, политических деятелей и правительства, движение вносит существенный вклад в дело предотвращения угрозы ядерной войны.

Б. Лаун дал высокую оценку мирным инициативам СССР, и в частности мораторию на все ядерные взрывы, объявленному с 6 августа с. г.

М. С. Горбачев поздравил профессора Б. Лауна и академика Е. И. Чазова с присуждением движению «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» Нобелевской премии мира за 1985 год. В Советском Союзе, сказал он, с большим уважением и симпатией относятся к деятельности этого движения, к его общественно значимой целительной миссии.

М. С. Горбачев особо остановился на вопросе о прекращении испытаний ядерного оружия, к чему организация врачей настойчиво призывает, подкрепляя свой призыв убедительными обоснованиями.

Отвечая Б. Лауну, М. С. Горбачев сказал: «Мы готовы продлить действие введенного СССР моратория на ядерные взрывы, если США ответят взаимностью. Мы настоятельно призываем к этому американскую администрацию. Пока еще есть уникальный шанс сделать мораторий обоюдным и продлить его дальше, после 1 января. Упустить этот шанс, прокладывающий путь к окончательному, договорному запрещению всех испытаний ядерного оружия, было бы по крайней мере неразумно. Решение вопроса — в руках правительства США».

В заключение М. С. Горбачев пожелал собеседникам и всем участникам движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» новых успехов в их весьма нужной и благородной деятельности.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства 24 декабря в Москву с официальным дружественным визитом прибыл член Политбюро ЦК ТПК, Премьер Административного совета Корейской Народно-Демократической Республики Кан Сен Сан.

На аэродроме его встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, другие официальные лица.

В этот же день в Кремле начались переговоры между Н. И. Рыжковым и Кан Сен Саном.

В переговорах принимали участие:

с советской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. В. Талызин, министр внешней торговли Б. И. Аристов, председатель Государственного комитета СССР по внешним экономическим связям К. Ф. Катушев, заместитель министра иностранных дел СССР М. С. Капица, заместитель председателя Госплана СССР В. П. Лахтин, посол СССР в КНДР Н. М. Шубников;

с корейской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК ТПК, заместитель Премьера Административного совета КНДР Ким Бок Син, министр внешней торговли КНДР Цой Ден Гын, министр внешнеэкономических дел КНДР Тен Сон Нам, заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Хен Рюль, заместитель председателя Госплана КНДР Ан Бон Ги, заместитель министра внешнеэкономических дел КНДР Ким Ден У, посол КНДР в СССР Квон Хи Ген.

В атмосфере братской дружбы и товарищеского сотрудничества были обсуждены вопросы двусторонних отношений и некоторые актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Советская и корейская стороны выразили уверенность в том, что начавшиеся переговоры послужат дальнейшему развитию и обогащению традиционных отношений дружбы и сотрудничества между СССР и КНДР, углублению взаимопонимания между правительствами и народами двух стран.

Перед началом переговоров. Фото А. ГОСТЕВА

Движение

Константин СИНОЗЕРСКИЙ,
член КПСС с 1917 года

В молодости я, можно сказать, не задумывался над тем, что такое время. Уверен, и нынешняя молодежь об этом не думает, она просто живет, не мудрствуя, вся устремившись вперед, к намеченному, желанному. И это естественно. Оглядываться, обобщать, перебирать в памяти прошлое — удел стариков. О таких, как я, говорят: «участник», «свидетель»...

Да, я свидетель событий, обычно называемых всемирно-историческими, а главное — их участник. Судите сами, я трижды ветеран — можно и так сказать. Ветеран революции, ветеран гражданской, Великой Отечественной войн, ветеран труда. Я ровесник века, таких уже мало на земле. И считаю интерес к живым участникам и свидетелям со стороны молодого поколения вполне закономерным. Более четырех тысяч раз выступал я за последние четверть века, шутка ли!..

Время — это не только смена дней, лет; время — это главным образом свершения конкретного поколения, все то, что осталось на земле, в памяти, истории. А слова, не воплощенные в дела, пустомечтания, благие намерения — всего этого как бы и не было.

А было вот что: работал я в Петрограде подручным токаря. Однажды в сентябре революционного 1917 года нас, молодежь, отобрали в Красную гвардию, а поручился за нас, когда в октябре принимали в партию большевиков, Михаил Иванович Калинин. Потом был штурм Зимнего дворца в ночь на 25 октября, Смольный,— это уже в октябре 1917 года,— была винтовка в руках, караульная служба и были встречи с Владимиром Ильичем Лениным, и всегда — беззаветное служение партии... Вот это было в долгой моей жизни.

На календаре — 1986 год. Новый год! Еще один... А я, признаться, никак не расстанусь с годом прошедшим. Он, 1985-й, был и для меня, и для нашей Родины годом не совсем обычным: можно его считать необыкновенным, переломным, историческим! Ведь это так, хотя тут, возможно, и сказывается стариковское волнение,— я ведь только что, в декабре, отметил свое восьмидесятипятилетие. Восемьдесят пятый год нынешнего столетия действительно был чрезвычайно насыщен историческими событиями. Одно из них — апрельский Пленум ЦК КПСС. Решения, принятые в апреле 1985 года, определяют новый ход часов, новый ход времени. Мы все сейчас живем в соответствии с политическими установками и апрельского, и октябрьского (1985 года) Пленумов ЦК КПСС. Разве не так?

1985 год — юбилейный год первой русской революции, год мобилизации всех коммунистов на трудовую встречу XXVII съезда КПСС. Год активизации многогранной, совершенно новой по содержанию работы по ускорению социально-экономического развития страны. Наконец, в 1985 году в столице нашей Родины Москве был открыт памятник создателю нашего государства Владимиру Ильичу Ленину. Открыл памятник Михаил Сергеевич Горбачев. И я счастлив, что мне довелось выступить в тот день на Октябрьской площади.

Чувствуете, как спрессовало время, как все эти события близки исторически: штурм Зимнего, встречи юного красногвардейца с вождем революции — и открытие памятника Ленину в Москве, подготовка к очередному съезду партии, разговор о Ленине с молодыми современниками!..

Главное впечатление от прожитой мною жизни — движение. Каждое новогодие об этом напоминает остро и убедительно. Жизнь — это движение, рост, развитие, постоянное обновление, постоянная устремленность вперед — к новой цели, к новым задачам. Это и молодежь, конечно, ощущает, но особенно ощущается нами, ветеранами революции, войны и труда.

Век проходит на наших глазах. С нашим участием.

Так чем же 1986 год будет отличаться от многих и многих предыдущих? Конечно, движением, но не только — еще и направленной, осознанной работой по совершенствованию нашего общего дела. Реальный социализм требует новых усилий по его совершенствованию — в этом та концепция, с которой партия после апрельского Пленума ЦК КПСС вышла к народу. Дан ощутимый толчок всему: революционной мысли, качеству вырабатываемых решений, темпам социально-экономического развития.

Совершенствование — то же движение вперед.

Сделать жизнь лучше — задача дня, года, новой пятилетки. Всех лет, что осталось дожить XX веку!.. А их немного, и надо торопиться. Исторически оправданное нетерпение; таково требование нашего времени.

А чтобы его выполнить, потребуются усилия, напряжение, дисциплина — уж я-то знаю. Новое всегда давалось нелегко. Одолевать приходилось тех, кто ставил палки в колеса, хоть и пел подчас громче всех: «Наш паровоз, вперед лети!» Вот и сегодня не скрою озабоченности тем, что кое-кто, чувствую, на словах ратуя за совершенствование форм и методов работы, продолжает действовать по старым схемам, не всегда проявляет должную требовательность к кадрам, слабо борется с фактами формализма и бюрократизма.

Партия обращает внимание на необходимость дальнейшего усиления борьбы с нарушениями дисциплины, злоупотреблениями, требует настойчивого осуществления мероприятий по преодолению пьянства, расхлябанности, растащиловки, брака на производстве. Сегодня с ними надо кончать. Вот почему целиком и полностью поддерживаю сегодняшнее требование партии более активно использовать общественное мнение и силу закона в отношении лиц, мешающих нашему движению вперед к новым задачам и свершениям.

Все это, вы понимаете, далеко от стариковского ворчания. Речь о самом главном — о мужестве наследовать дело Октябрьской революции, дело Ленина. И о чистоте наследников — их помыслов и рук. Любые потери — материальные и тем более духовные—на историческом пути чреваты забвением ленинского завещания партии, потомкам, всем нам, живым. Владимир Ильич Ленин всячески изобличал говорунов, главноболтающих, предупреждал о заразе «комчванства», об угрозе бюрократизма.

Стратегия дня — в проекте новой редакции Программы КПСС. Это — повышение качества строительства коммунизма. Болтовней тут ничего не сделаешь, ни на шаг не продвинешься. Все решает конкретное, повседневное дело. Сказано теперь: «Любые попытки забегания вперед, введения коммунистических принципов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества, как показывает опыт, обречены на неудачу, могут вызвать издержки как экономического, так и политического характера». Мудро сказано, с силой главного урока прошедших лет. Урок этот — для молодых, для тех, кому выполнять Программу КПСС, кто во исполнение воли партии не может допускать медлительности в проведении назревших преобразований, решении новых задач.

А в чем, собственно, их новизна?

Поступательное движение к коммунизму может и должно быть обеспечено экономически, а наша реальная экономика требует сегодня ускорения социально-экономического развития страны.

От лица ровесников века целиком и полностью одобряю этот стратегический курс партии, нацеленный по-ленински на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества. Программа действия большая. Обновление всего нашего народного хозяйства на базе НТР, совершенствование общественных отношений, и в первую очередь экономических — чем не революция! Она потребует глубоких перемен в содержании и характере труда, материальных и духовных условиях жизни людей. Завидую молодым — огромное открывается поле деятельности.

По существу, вся жизнь моя, моего поколения, поколения ваших дедов и отцов прошла под знаменем лучшей доли для народа! Мы рады, что это знамя и сегодня ведет страну вперед.

В самом деле, экономисты, выверяя производственные успехи или проколы по десятку показателей, до сих пор не применяли такой сугубо экономической категории, как качество жизни. А ведь в поединке двух идеологий именно высокое качество жизни поможет нам одолеть оппонентов на мировой арене. Новый, 1986 год — первый на пути борьбы за повышение качества и образа жизни советских людей. Уверен в этом — тут нам сбавлять темпов нельзя. Жить надо крупно, с размахом, достойным целей социалистической революции. Слышал я, что К. Маркс любил повторять слова поэта Гейне: «Я посеял драконов, а пожал блох...» В этих словах, говоря обобщенно, тревога за качество наследников: соразмерны ли они величию замыслов гения, не пустят ли великие завоевания на распыл, подражатели или продолжатели? У дела Ленина достойные наследники. Молодежь должна вновь и вновь сверять свои помыслы и дела с ленинским компасом. Не забывать слов Маяковского: «Сильнее и чище нельзя причаститься великому чувству по имени — класс!»

Для молодежи у меня припасено особое пожелание. Помните: все, что завоевано дедами и отцами, досталось партии в борьбе, стоило ей многих жертв и титанических усилий. Народ сверг самодержавие, одолел, уничтожил фашизм. И мы, представители поколения победившей Октябрьской революцией, вручая вам знамена, овеянные славой, абсолютно уверены в том, что они, эти знамена, подхвачены надежными сильными руками новых знаменосцев. На пути следующих поколений тоже будут трудности и преграды, никто нашим внукам и правнукам не поднесет коммунизм на блюде; ленинское слово, наука ленинизма научит вас побеждать любые трудности!

Я живу долго и помню каждый год моей жизни — все они прожиты в борьбе, на тех передовых позициях, куда посылала партия: в Смольном, на Дворцовой площади в восставшем Петрограде, в отряде Красной Армии, на Памире, где сражался с басмачами, на Дальнем Востоке, где намечали в 1932 году новую железную магистраль, до войны — в райпрокуратуре Ленинграда, потом на фронтах Великой Отечественной войны, работал и в Генштабе, и в Военно-юридической академии... Время — мы сами его делали, своими руками, это наше время!

И когда я в канун новогодия был в Звездном городке, говорил с космонавтами и теми, кто готовится к звездным полетам, я, конечно, вспомнил семнадцатилетнего большевика с завода «Айваз», что на Выборгской стороне, и обращенные к нему вопросы Владимира Ильича: сколько лет, из какого района, кто родители, как попал в отряд охраны Смольного? Со мной разговаривал Ленин... А я только что рассказывал о Ленине работникам околоземных орбит!.. Это и есть счастье.

Счастья всем вам, дорогие читатели!

УКРОТИТЬ ЯДЕРНОГО ДРАКОНА

Викентий МАТВЕЕВ,
заместитель председателя Советского комитета защиты мира

Ядерное оружие убивает на расстоянии и во времени. Американские атомные бомбы разорвались над Хиросимой и Нагасаки более 40 лет назад, а подвергшиеся облучению жители этих японских городов гибнут до сих пор. Каждый год к длинному списку жертв массового убийства прибавляются новые имена. Испытанная на атолле Бикини в 1954 году американская водородная бомба поразила смертельной дозой радиации рыбаков японской шхуны за многие километры от эпицентра взрыва. Произошло широкое отравление промыслов рыбы на Тихом океане.

Официальные ведомства США пытались держать сведения о последствиях применения атомного оружия под семью замками. Так же, как и после бомбежек Хиросимы и Нагасаки, японским властям было запрещено разглашать что-либо об эффекте такого оружия без санкции Вашингтона.

Трагедия японских рыбаков в водах Тихого океана опрокинула последние рогатки, которые американские власти хотели бы сохранить, чтобы держать в неведении общественность об оружии массового уничтожения. С этого времени требование запрета ядерных испытаний уже не сходит с транспарантов, вздымающихся над колоннами сторонников мира в разных странах, с повестки дня конструктивной дипломатии. Откликаясь на призывы широких слоев общественности, наша страна в 1955 году заявила о своей готовности пойти на прекращение ядерных испытаний, если то же самое предпримут США и Англия.

10 мая 1957 года Верховный Совет СССР обратился к конгрессу США и парламенту Великобритании с призывом поддержать такой шаг. Многому, однако, нужно было произойти в мире, прежде чем удалось достигнуть международной договоренности о том, чтобы положить конец испытаниям ядерного оружия в трех средах — в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Договор об этом был подписан в августе 1963 года в Москве между СССР, США и Англией.

Он действует и по настоящее время. Можно сказать без преувеличения, что тем самым от пагубного воздействия радиации были предохранены миллионы людей, а окружающая среда, в том числе воды океанов и морей,— избавлена от серьезного заражения.

Выражая удовлетворение тем, что разум в данном случае одержал верх над одержимостью, нельзя не видеть, что начатое Договором 1963 года дело еще предстоит довести до конца. При всей важности такого соглашения это еще не радикальное решение проблемы, не полное и всеобщее прекращение ядерных испытаний.

К договору присоединились не все ядерные державы. Несмотря на возмущение общественности и протесты правительств ряда стран, находящихся в районе Тихого океана, Франция продолжает «экспериментальные» ядерные взрывы на атолле Муруроа.

Договор 1963 года — частичный: его действие не распространяется на подземные ядерные взрывы. Советский Союз с самого начала выступал за полное прекращение ядерных испытаний. Против был Пентагон. Там не хотели окончательно связывать себе руки в совершенствовании старых и разработке новых ядерных вооружений.

«С помощью подземных ядерных взрывов можно будет конструировать нейтронную бомбу»... Так писала 22 года назад американская газета «Крисчен сайенс монитор», ссылаясь на мнение представителей Пентагона. Подобные же «доводы» цинично-милитаристского характера и сегодня являются причиной нежелания нынешней американской администрации положительно откликнуться на призыв СССР о совместном советско-американском моратории — приостановке всех ядерных испытаний, пока вырабатывается соглашение о полном и всеобщем их прекращении.

СССР объявил о введении им одностороннего моратория на ядерные испытания с 6 августа этого года до его окончания, указав, что в дальнейшем мораторий можно будет продлить, если США последуют советскому примеру — примеру доброй воли, ответив взаимностью.

В распоряжении Вашингтона с момента объявления нами такого моратория было пять месяцев — срок вполне достаточный, чтобы обдумать сложившееся положение, подготовиться к введению совместного моратория. Но за этот период в США было произведено пять новых ядерных взрывов. Кое-кто на Западе высказывал догадку, что за океаном желают «отстреляться», чтобы к 1986 году прийти к соглашению относительно обоюдного с нашей страной моратория на все ядерные испытания.

Положительный отклик США на советскую инициативу оказал бы весьма благоприятное влияние на всю обстановку в мире. Это помогло бы укрепить доверие между СССР и США. «Мы поставили этот вопрос перед американским президентом в Женеве,— заявил, выступая на сессии Верховного Совета СССР, М. С. Горбачев.— Ответом было молчание».

Молчание тем более поразительное, что там же, в Женеве, представители многих национальных и международных общественных и других организаций, съехавшиеся в этот город, чтобы довести свою точку зрения до сведения участников встречи на высшем уровне, указывали на большую важность для дела разоружения полного прекращения испытаний ядерного оружия. Это поистине было бы прекрасным новогодним подарком народам. Для такого шага не требуется длительных переговоров — вопрос, что называется, не только назрел, но и перезрел.

Но если президент США молчал по этому

ПО ЗАКОНАМ ПОЗНАНИЯ И МИРА

Академик А. ПРОХОРОВ,
Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, лауреат Нобелевской премии

Законы познания таковы, что ученые разных стран могут практически одновременно прийти к одному и тому же открытию. Так было и с рождением квантовой электроники, с созданием первых лазеров. Исследования в этой области шли в нашей стране и в США почти параллельно.

Иные законы в политике. Несмотря на доводы разума и требования общественности, США пока еще не использовали историческую возможность присоединиться к одностороннему мораторию СССР на все ядерные взрывы. А ведь, как подчеркивает Советское правительство, мораторий может быть продлен.

Нужен заслон и на пути милитаризации космоса. Насыщение космоса оружием может резко увеличить риск возникновения ядерной войны.

Реальную альтернативу этим безумным планам предлагает наша страна. В этой связи на меня особо глубокое впечатление произвела встреча М. С. Горбачева с делегацией конгресса лауреатов Нобелевской премии. Мне посчастливилось быть ее участником. Все мы ощутили решимость нашей страны бороться за мир, твердость ее позиции, ответственность ученых за использование результатов своей работы.

Известно, что в американских милитаристских планах определенное место занимают и лазеры. Когда я, еще будучи студентом Ленинградского университета, прочел популярный в то время роман «Гиперболоид инженера Гарина», то и представить не мог, что мне самому придется участвовать в создании подобного фантастического прибора. В нашей стране колыбелью нового направления был Физический институт АН СССР, а в США — Колумбийский университет, где вел исследования американский физик Ч. Таунс. Мы знали о работах друг друга не только через научную литературу, но и не раз встречались лично, выступали с докладами на международных конференциях. Исследования в области квантовой электроники в наших странах шли практически параллельно. Вместе получали мы и Нобелевскую премию: Н. Г. Басов, я и американский физик Ч. Таунс. Помню, на пресс-конференции по этому случаю в Стокгольме завязалась дискуссия: стоит ли тратить деньги на освоение космического пространства или же передать их в помощь развивающимся странам. Я сказал тогда, что есть другой источник средств: надо остановить гонку вооружений и эти деньги направить на борьбу с голодом, нищетой, болезнями, на нужды развития.

В мире немало глобальных проблем, в решении которых могла бы сказать свое слово наука. Но самое главное — это мир. В борьбе за будущее должны объединяться все прогрессивные ученые. К этому призывают всех мирные инициативы внешней политики Советского Союза. Слово за США, как сказал недавно Михаил Сергеевич Горбачев.

вопросу в Женеве, то раскрывали уста его советники, коллеги по администрации. Укажем, например, на «отца водородной бомбы» Эдварда Теллера. Он был одним из ярых противников Договора 1963 года. В книге «Наследие Хиросимы», вышедшей в США в 1962 году, он требовал активизировать ядерные испытания. Он утверждал, что любое их прекращение не было бы в интересах США. За некоторые его «рекомендации» он заслуживал бы строгого врачебного осмотра. Так он с серьезным видом предлагал произвести ядерный взрыв на... Луне.

Сегодня в Белом доме Теллер — один из главных советников. Его голос был наиболее громким среди голосов других отъявленных милитаристов, ратовавших за то, чтобы США приступили к осуществлению программы космических вооружений.

Между вызывающими милитаристскими замыслами Пентагона в космосе и саботажем дела запрета ядерных испытаний существует прямая связь.

Вот что писала «Нью-Йорк таймс» 30 июля этого года: «В ответ на предложение М. С. Горбачева ввести на 5 месяцев мораторий на ядерные испытания должностные лица из администрации Рейгана заявили, что продолжение подземных испытаний ядерного оружия имеет важное значение... Эти испытания необходимы для создания лазера рентгеновского излучения и для того, чтобы найти способ вести длительную ядерную войну».

Итак, для сторонников разоружения отказ от ядерных испытаний — путь к обузданию ядерных вооружений. Для противников разоружения это все равно что нож к горлу.

Мировая общественность восприняла с энтузиазмом советскую инициативу — одностороннее прекращение ядерных взрывов. Лишь в США руководители 150 общественных организаций обратились к своему правительству с призывом положительно откликнуться на советский пример.

На протяжении последних трех десятилетий вопрос о необходимости прекращения и запрещения испытаний ядерного оружия находится в центре внимания Генеральной ассамблеи ООН. Только что закончившаяся сессия Ассамблеи подавляющим большинством голосов приняла резолюцию в пользу такого шага.

Против резолюции проголосовали США, Англия и Франция. Борьба продолжается. И она будет неудержимо нарастать. В эти дни из Москвы снова на весь мир слышен твердый голос государства, исполненного решимости сделать все зависящее от него для защиты мирной жизни на нашей планете. «Советский Союз пойдет столь далеко, сколько потребуется, к полной ликвидации ядерного оружия, к окончательному устранению угрозы войны с его применением»,— заявил М. С. Горбачев на встрече с американским сопредседателем движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» профессором Б. Лауном.

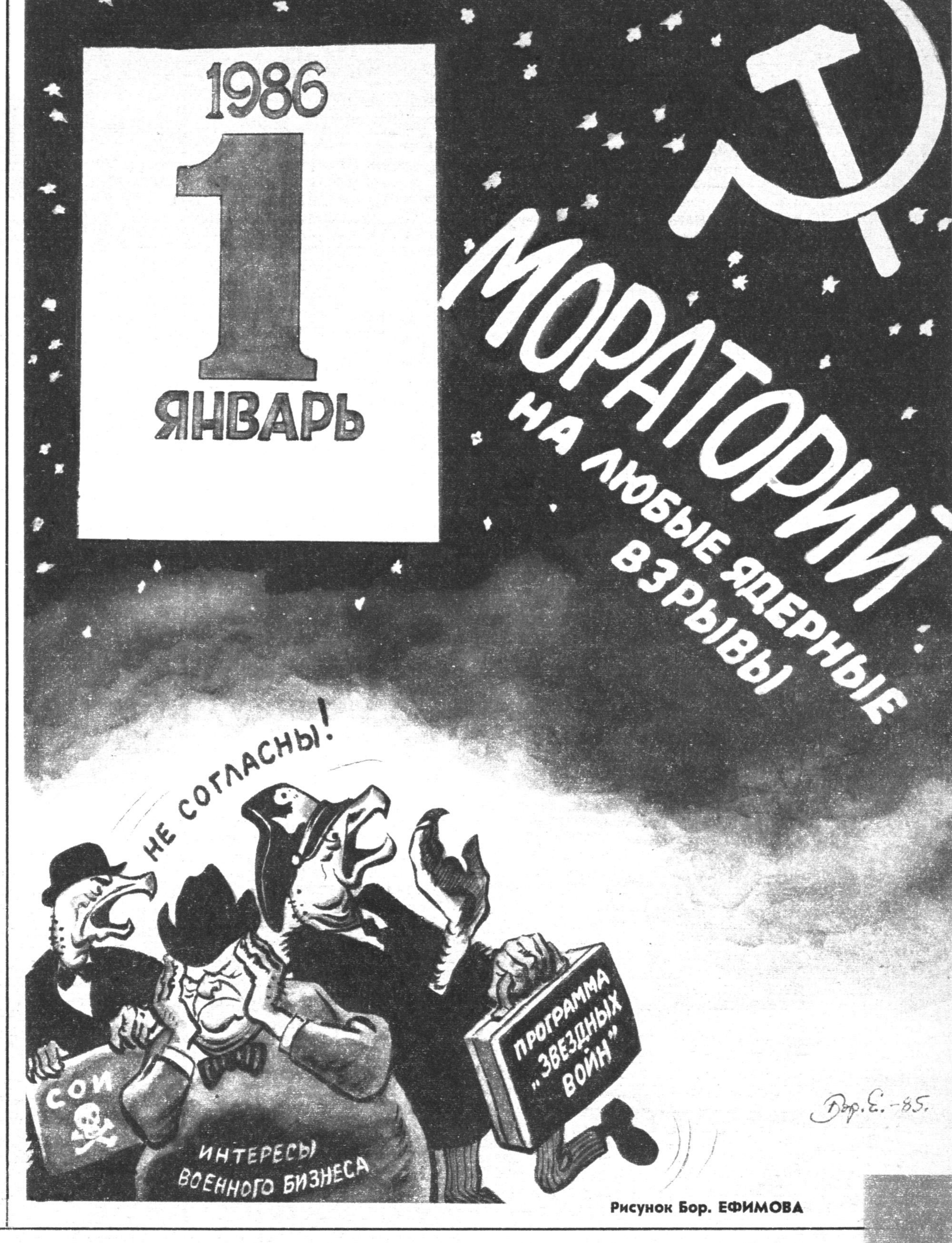

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ИЗМЕНА ДУХУ ЖЕНЕВЫ

Отказ Соединенных Штатов принять советское предложение о продлении моратория на ядерные испытания резко противоречит духу женевской встречи на высшем уровне. Это попытка правых кругов подтолкнуть администрацию к отступничеству от Женевы.

Такое мнение высказал мне доктор Сол Блюм, крупный американский эксперт в области ядерной стратегии, один из ведущих сотрудников «Исследовательского центра по контролю над вооружениями» в Сан-Франциско.

Несмотря на широкое международное одобрение советской инициативы, Вашингтон отверг ее под предлогом, будто «данный момент более благоприятен для Москвы».

Известно, что советская инициатива учитывает многочисленные пожелания зарубежных правительственных кругов и международной общественности. Однако в Вашингтоне опять говорят «нет», выдвигая при этом весьма сомнительные мотивировки. Об этом и шла моя беседа с доктором Солом Блюмом.

— Как вы оцениваете саму идею моратория на ядерные испытания?

— Я убежден, что она отвечает настроениям мирного движения США и вообще всех думающих американцев. Когда администрация Рейгана первоначально отвергла июльскую инициативу Москвы, я пришел к выводу, что советской стороне надо бы позднее повторить свое предложение и проверить, насколько искренне США ссылаются на фактор времени, на якобы неудобный для них момент введения моратория. Так и произошло. Тогда был июль, сейчас на дворе конец декабря. Что же мы видим? Опять отказ. Я крайне огорчен нежеланием администрации Рейгана присоединиться к советскому предложению. Соединенные Штаты предстали перед миром не в очень привлекательном виде.

— Как совместить эту негативную позицию с заявлением, под которым президент подписался в Женеве?

— Интересный вопрос. Я бы сказал так: отказ Соединенных Штатов изучить возможности, заключенные в идее моратория, а также в согласии советской стороны допустить в каких-то пределах инспекцию на месте противоречит духу женевской встречи на высшем уровне. Правые круги в США заинтересованы в отступничестве от Женевы и используют любой случай, чтобы подтолкнуть к этому администрацию.

— На этот раз у Вашингтона новые причины, по которым они считают мораторий неприемлемым. По словам Ларри Спикса, заместителя пресс-секретаря Белого дома, Соединенным Штатам «нужно провести дополнительные испытания своего ядерного оружия, чтобы удостовериться в его надежности». Странная формулировка. Что за ней стоит?

— У меня нет сомнений в том, что Пентагон не нуждается ни в каких «дополнительных» испытаниях уже существующих ядерных боеголовок. Они давно испытаны, тысячу раз проверены. Их надежность вне подозрений. Испытания нужны для создания новых систем. Именно этим и занимается администрация Рейгана. В частности, ведутся работы по усовершенствованию лазера на рентгеновских лучах, где источником энергии служит ядерный взрыв. Как вы знаете, это будущий компонент космических вооружений. Таким образом, мораторий на Земле помешал бы американской программе милитаризации космоса. Вот о чем умолчал Ларри Спикс.

— Он привел и другой аргумент. Советскому Союзу будто бы нельзя верить в том, что касается соблюдения моратория.

— На это я бы ответил так. Соединенным Штатам тоже нельзя верить в том, что касается правильного толкования действий Со-

ветского Союза на советской территории. В Соединенных Штатах существуют слишком мощные, слишком влиятельные круги, которые не устают в своих эгоистических интересах без причины кричать: «Советы нас обманывают!»

В действительности же, как убедительно показал в своем недавнем исследовании Джеймс Эверден, наш крупный специалист в области контроля за ядерными испытаниями, существующая аппаратура позволяет безошибочно зарегистрировать любой взрыв мощностью свыше одной килотонны. Менее мощные взрывы не имеют серьезного значения для разработки систем ядерного оружия. В сочетании с предложением СССР об инспекции на месте это выбивает почву из-под ссылок на то, что кому-то нельзя верить.

Я считаю, что можно было бы привлечь к контролю за соблюдением моратория третьи страны, Организацию Объединенных Наций, короче, посторонних наблюдателей, поскольку все без исключения заинтересованы в успехе этого дела.

Ведь жизнь на Земле — наше общее сокровище.

В. СИМОНОВ
собкор АПН,
специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ

В новый год люди всегда вступают с надеждой. На лучшее будущее, счастливую жизнь, удачу в делах. 1986 год народы планеты встречают с особым чувством: появился реальный шанс помешать бесконечному совершенствованию атомного оружия, сделать решительный шаг к всеобщему ядерному разоружению.

Мы с оптимизмом смотрим в будущее и не хотим, чтобы его перечеркнула мрачная грибовидная тень ядерного взрыва. Если верить президенту Рейгану, мира вроде бы хотят и в Белом доме. Хотят на словах, а на деле? За время, прошедшее после Женевы, новые ядерные взрывы произведены на полигоне штата Невада, строго засекреченные испытания в космосе провело военное ведомство.

Вот такой, с позволения сказать, «ответ» прозвучал в ответ на наши мирные инициативы.

Я убежден: только дружескими, взаимно полезными должны быть отношения между странами и народами. Жаль, что иной точки зрения придерживается правительство США, пытающееся с позиции силы диктовать народам свою глубоко корыстную волю. Но нам к угрозам не привыкать, и не нам их бояться.

Пережила ленинградскую блокаду моя мама Екатерина Ивановна, в танковых войсках, а затем и в авиации сражался отец Яков Алексеевич. Немало испытаний вынесли мои товарищи по работе ветераны Великой Отечественной войны токарь-карусельщик Б. Попиков, мастера М. Поляков, В. Максимов, начальник цеха Н. Токарев, штурмовавший рейхстаг. Но именно они первыми вносят средства в Фонд мира, их труд служит нам примером добросовестного выполнения своих обязанностей во имя укрепления экономического и оборонного могущества Родины.

Мы уверены: здравый смысл восторжествует, народы мира не дадут взорвать мир.

А. КАПУСТИН,
токарь, партгрупорг цеха крупных машин объединения «Электросила» имени С. М. Кирова, кавалер орденов Трудовой Славы II и III степеней

1986 год объявлен Организацией Объединенных Наций Международным годом мира. Это решение с воодушевлением встречено прогрессивной общественностью во многих странах. Оно вдохновляет миллионы людей на продолжение борьбы против опасности войны, против всех видов испытаний ядерного оружия.

На снимке: участники антивоенного марша на улицах Сан-Франциско.

Фото ТАСС

ДЕЛО И С

Анатолий СОФРОНОВ

Я глубоко убежден, что долг писателя служить своему времени заключается не только в его произведениях разнообразных жанров, но и в его общественной, гражданской позиции, полностью совпадающей с его творчеством, в его душевной потребности отстаивать истину, бороться со злом, сердцем чувствовать не только свою, но и чужую боль и, не жалея сил, отстаивать самое святое и правое дело на Земле — мир.

Для советских писателей это было важно всегда, но, наверное, особенно важно сейчас, ибо никогда судьба мира не была столь хрупкой.

Михаил Сергеевич Горбачев, отвечая на вопросы американского журнала «Тайм», подчеркнул: «Обстановка эта сложная, напряженная и, я бы даже сказал, взрывоопасная. К тому же она имеет тенденцию еще более ухудшаться». Конечно же, он сказал это, не желая «драматизировать ситуацию», нагнетать чувство опасности. Но именно оттого, что эта оценка объективная и разумная, особенно остро ощущаешь тревогу за судьбу планеты и задаешься вопросом, что ты лично можешь и готов сделать во имя мира.

Время... Как же оно многомерно! Не страшась заглянуть ему в лицо, я вспоминаю сегодня больших советских писателей, своих товарищей по оружию, по перу, которые считали борьбу за мир своим личным делом, делом чрезвычайной важности.

Недавно, перечитывая книгу Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь», нашел такие строки: «Я был в плохой форме, не мог работать. А тут мне сказали, что нужно ехать в Париж, на Конгресс сторонников мира. Защита мира казалась мне прекрасным делом, но я чувствовал, что у меня нет сил. Очутиться за границей в таком состоянии — да ведь это пытка! Меня попросили написать выступление... Когда передо мной оказался белый лист, я начал писать о том, что меня волновало. В написанной речи были такие строки: «Нет ничего отвратительнее расовой и национальной спеси. У мировой культуры — кровеносные сосуды, которые нельзя безнаказанно перерезать. Народы учились и будут учиться друг у друга. Я думаю, что можно уважать национальные особенности, отвергая национальную обособленность».

Вот уже сколько лет прошло, а эти строки целят прямо в сегодняшний день и своей тревогой, и надеждой на здравомыслие народов. Тревогой, которая владела всеми нами уже тогда, по окончании второй мировой войны, и объединила в едином стремлении никогда больше не допустить этих массовых кровавых боен, чем бы их ни пыталась оправдать буржуазная политическая демагогия.

Нас в ту пору было немало.

Оглядываясь на прожитые годы, я вижу их, своих незабвенных друзей, чьи имена пользовались огромным уважением во Всемирном Совете Мира и движении сторонников мира. Александр Фадеев, Николай Тихонов, Александр Корнейчук, Ванда Василевская, Константин Симонов, Николай Погодин, Мирзо Турсун-заде... Ради участия в движении сторонников мира они откладывали все остальные дела, забывая о болезнях. Помню нашу поездку с Погодиным в Америку и разговор о судьбах мира, который мы вели с издателем и редактором журнала «Сэтердей ревью» Норманом Казинсом — активным сторонником мира. Вот что сказал тогда Погодин Казинсу по поводу очередных американских ядерных испытаний:

«Я живу под Москвой, за городом. Мне шестьдесят два года... Я не Бернард Шоу, и с меня достаточно. Я мог бы сказать: можете взрывать что угодно, где угодно и сколько угодно... Но я этого не говорю. У вас здесь, в Америке, да и на Западе неправильное мнение о советском народе и его интеллигенции. Дескать, она очень послушная. Что ей прикажут, то она и делает. Это неправда. Я не коммунист, беспартийный, но я думаю всегда и о партии, и о всем народе. А думать в данном случае мне хочется так, как думал Эйнштейн: чудовищную проблему нельзя решить чудовищными средствами. Пока мы дышим, мы должны защищать мир».

Кому-то из древних философов принадлежит мысль: главный вывод истории состоит в том, что ни один народ не делает выводов из своей истории. Принять ее за истину — значит добровольно обречь на гибель не один народ, не два, а все человечество. Воспитание в людях чувст-

ПРАВОЕ

ВЯТОЕ

ва исторической памяти и ответственности, умения извлекать поучительные уроки из прошлого, думается мне, сегодня одна из наиглавнейших задач, стоящих и перед политиками, и перед писателями. Однажды я прочел в «Правде» превосходный очерк Бориса Стрельникова о том, как он пересек всю Америку, чтобы повидать американского врача Робинсона, который весной 1945 года повстречался с нашими солдатами на Эльбе. «Такое не забывается»,— прощаясь, сказал Робинсон Стрельникову и выразил надежду, что советский и американский народы, соратники по борьбе с фашизмом, никогда не станут врагами.

К сожалению, не все в Соединенных Штатах этой исторической памятью обладают. Михаилу Сергеевичу Горбачеву пришлось это особенно подчеркнуть в ходе беседы с американскими корреспондентами:

«Наши страны просто не могут позволить себе довести дело до конфронтации. В этом — действительный интерес и советского, и американского народов. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонку вооружений, заняться разоружением, ввести в нормальное русло советско-американские отношения. Честное слово, пора сделать эти отношения между двумя великими народами достойными их исторической роли. Ведь от наших отношений действительно зависят судьбы мира, судьбы мировой цивилизации. Мы готовы действовать в этом направлении».

Думается, ощущение этой готовности не должно покидать и нас, литераторов, ведь страстное, яркое, доходчивое правдивое слово — надежнейшее оружие в борьбе за мир. Тем более сейчас, тем более в наступившем 1986 году, который Организация Объединенных Наций провозгласила Международным годом мира.

Сколько же замечательных друзей и единомышленников обрели мы, отстаивая дело мира. Друзей, многие из которых уже, увы, не встанут рядом...

В Бейруте пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз, с которым нас связывали десятилетия совместной работы в организации писателей стран Азии и Африки, переросшие в глубокую, душевную дружбу, написал стихи «Палестинским борцам в изгнании»:

Земля моя, тебя терзает враг,
но не забыть, как в миг святой и светлый,
в моей крови твой палестинский флаг
раскрылся, оттесняя злые ветры.

Твои святыни заливает кровь,
но разве сердцем преданным остыну?
Я каждой своей раной вновь и вновь
творю за Палестиной Палестину.

Боль каждого народа проходит через сердце поэта. И он находит слова, необходимые как хлеб голодному, глоток воды жаждущему.

Назым Хикмет... Он всегда был нашим другом. Размышляя о нашем неспокойном суровом времени, я вспоминаю строки его стихов «XX век»:

— Уснуть, любимый, спать сто лет,
сто лет не видеть этот мир!
— Нет, не страшит меня мой век,
мой жалкий, мой великий век,
нет, я не дезертир.
Я не жалею, что пришел
так рано в этот мир,
и века моего я не стыжусь и не страшусь,
я сын его, и этим я горжусь!

Эти строки написал человек, проведший к тому времени уже двенадцать лет в тюрьме, а приговоренный почти к тридцати. За то, что был поэтом-коммунистом, за то, что признавал только одну форму жизни — горение, чтобы развеять тьму, служение человечеству ценой пусть даже собственной жизни.

Пабло Неруда... Сначала он писал стихи о любви. Но когда, став чилийским консулом в Мадриде, оказался в гуще сражений с франкистами, его лира стала пламенной и гневной. Помню, с каким волнением еще до знакомства с ним я прочел его стихи, посвященные Сталинграду. Меня всегда поражало в нем то, какие страсти, какие вселенские заботы клокочут в этом внешне невозмутимом человеке.

Памятна встреча в Чили, в его открытом всем ветрам эпохи доме на морском побережье.

— Я счастливый человек,— сказал он мне тогда.— Я счастлив не потому, что мне всю жизнь везло или не попадал в беды и передряги. Я счастлив оттого, что так захватывающе интересно жить, и особенно теперь, когда мой народ обрел надежду на счастье.

Разговор этот был в 1972 году, когда Сальвадор Альенде повел страну по пути революционных преобразований. Увы, никто из нас тогда не смог предвидеть, как трагичен будет финал жизни Неруды, испытавшего вместе со своим народом ужас пиночетовской контрреволюции.

Алекс Ла Гума, Муин Бсису, Абд ар-Рахман аль-Хамиси, Мулк Радж Ананд... Я бы мог назвать великое множество имен писателей и поэтов, которые всею своею жизнью связаны с борьбой за мир. Да, эта работа занимает очень много времени и сил. Взяться за нее никто тебя не может заставить в приказном порядке. Это может делаться только по велению души, по осознанию своего высшего человеческого долга. Было бы слишком постыдно писателю, художнику в это бурное время, когда решается судьба планеты, затвориться в некоей «башне из слоновой кости», не внимая натруженному дыханию Земли, готовой расколоться от ядерного взрыва.

Рождающийся на свет ребенок предназначен для жизни. Предназначен для радости труда и творчества. А сколько миллионов погубленных молодых жизней зарыты в землю на разных континентах нашей планеты? Молодые, нерасцветшие жизни, рожденные для созидания, легли в землю, так и не выполнив долг созидания, сжимая в руках холодную сталь оружия, предназначенного для убийства и разрушения. Вспоминаются мудрые и в чем-то горькие слова моего доброго индийского друга Мулк Радж Ананда, сказанные во время нашей встречи в Дели: «Человечество жаждет мира, оно давно созрело для жизни». Каким же преступным должен быть умысел уничтожить это созревшее для жизни человечество! И нельзя жалеть никаких сил и средств, чтобы этому помешать. Вспомним, как мы в годы войны зачитывали буквально до дыр гневные, разящие статьи Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Алексея Толстого. Вспомним пьесу «Фронт» Александра Корнейчука, получившую высокую оценку Верховного Главнокомандующего: «...Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава». Можем ли мы сегодня, в период жизни не менее ответственный, чем в огненные годы Великой Отечественной войны, позволить себе некое благостное воркование на газетных и журнальных страницах? Мы обязаны не только обороняться от нападок враждебной идеологии, а наступать самым широким фронтом, пропагандировать наши миролюбивые идеи и действия — открывать народам мира глаза на злодеяния, творящиеся агрессорами,— таким я вижу главное направление нашей политической публицистики.

Задача эта нелегкая, но она по силам лучшим перьям нашей литературы. К сожалению, мы не так часто встречаем на газетных страницах такие выступления. К сожалению, не так часто читаем мы в газетах писательское «Слово о мире» — страстное, до боли тревожащее сердце. Слово, в котором тот или иной политический факт осмыслен философски, пропущен через ум и сердце и донесен до читателя в своей первозданной истинности. А как много важного, неповторимого, лично осмысленного и пережитого могли бы сказать о мире и войне наши писатели! Ведь есть еще порох в пороховницах у писателей разных поколений, достойно представляющих в литературе свои народы. Георгий Марков, Юрий Жуков, Чингиз Айтматов, Виталий Коротич, Камиль Яшен, Анатолий Иванов, Михаил Алексеев, Генрих Боровик, Расул Гамзатов, Юлия Друнина, Фазу Алиева и многие другие.

Участники движения сторонников мира, как много личного они внесли в это движение! Какие героические страницы вписало оно в историю человечества с той самой поры, как родилось оно во главе с Фредериком Жолио-Кюри. Сколько выдающихся общественных деятелей выдвинуло! Ив Фарж, Пьетро Ненни, Жоржи Амаду, Николай Тихонов, Александр Фадеев, Александр Корнейчук... Разве не заслуживают это благороднейшее движение и его люди глубокой, яркой, масштабной книги-летописи, которая стала бы своеобразной историей борьбы народов за мир!

Ведь пока, в сущности, мы пользуемся только отрывочными воспоминаниями отдельных мемуаристов, а уйдут они, и канет в Лету ценнейший материал о том, как люди разных взглядов и убеждений, религий и рас, социальных положений объединились ради мира на Земле. Думаю, такая книга, а быть может, и несколько томов книг должны быть международным изданием, чтобы доступ к ним был обеспечен большинству читающего человечества.

Именно оттого, что мы прожили такую яркую, страстную жизнь, полную не только горьких испытаний, но и великих побед, очень хочется, чтобы те, кто идет за нами, тоже смогли ощутить, пережить свою жизнь во всей ее полноте и неповторимости. И никто и ничто не вправе лишить человека этого священного, наисправедливейшего права на жизнь. И недаром великий Ленин, Советская власть первым своим декретом провозгласили: мир — народам!

Мы, советские люди, тем и отличаемся по своей нравственной гуманистической сути от своих идеологических противников, что ради мира и справедливости на Земле не жалеем и не пожалеем ничего, как не пожалели своих жизней двадцать миллионов наших соотечественников в борьбе с фашизмом. Как мы тогда верили, что это будет последняя война, последняя гигантская жертва человечества на алтарь вечного мира! Ну, а те, кто предал эту нашу веру, стараются зачеркнуть уроки истории, пытаются нынче вырезать из ядерного свинства «свой кусок ветчины» в виде очередных астрономических прибылей. Скажем же им в ответ: господа, вас ничего не ожидает, кроме ненависти и презрения всех мирных и честных людей на Земле!

А мир победит!

Ибо Мир — правое и святое дело!

Стихи молодых

Эдуард СУЕТИН

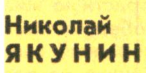
●

И вот опять на ветках ни листа,
и чувства все обнажены, как сучья.
Осенняя деревьев нагота
открытости души моей созвучна.
Смотрите — виден лес насквозь теперь,
глядите — сущность вся моя открыта.
Настало время радостных потерь,
пренебреженья мелочностью быта.
Еще вчера стволы тянули сок
и впитывали влагу листья жадно.
И вот намокший лист лежит у ног,
и дереву его ничуть не жалко.
Ему нельзя с листвою зимовать,
а мне молчать страшнее, может статься.
Необходимо что-то отдавать,
чтобы среди живущих
оставаться...

РАДОСТЬ

И снег пошел. И вздрогнули деревья
так, будто их снежинки обожгли.
Обь замерла. И замерла деревня
за Обью в позолоченной дали.
Почувствовало небо облегченье,
и сразу легче стало на душе,
как будто все обиды и мученья
в прошедшем, а не в будущем уже.
А снег все шел на лес и на дороги,
на берега, на скверы, на дома
и засыпал волненья и тревоги,
и наступала в городе зима.
Так щедро осветляло землю небо,
что в зло никто не верил на земле.
Я у окна стоял. Я верил в небыль.
Зима была необходима мне.
Мир одевался в чистые одежды,
всю чепуху под снегом хороня.
И начинались новые надежды,
и наполняли радостью меня...

Новосибирск.

Николай ЯКУНИН

О ТОПОРЕ

Без топора в деревне как без рук.
Пусть жизнь нам поубавила заботы,
Но часто стали звонкой перестук
То здесь, то там я слышу до работы.

На каждый день находятся дела,
Не держится хозяйство без пригляда:
То крыша в сеновале протекла,
То ветер дверь сорвал у палисада.

Как говорят: нет худа без добра!
И плотничаешь сам ты, как умеешь.
Не сделаешь косье без топора,
Подгнившую ступеньку не заменишь.

Сверкает сталь — поленьев три стены,
Чурбак дубовый — пополам, на части...
Сверкает сталь — на землю кочаны,
Под корень вяз — антоновке не засти.

Не все они остры и хороши,
Иным рубить крапиву не годится,
Другими хоть чини карандаши,
А можешь и при случае побриться...

Бывало, дед зайдет к тебе во двор,
Топор осмотрит хитрыми глазами,
И ни к чему дальнейший разговор:
Каков топор — таков его хозяин.

ТРАКТОРИСТ

Свод неба не был в дни апреля
Покрашен краской голубой.
Луна не мылась две недели,
И не вращался шар земной.
Не жгли прохладу сельских улиц
Горячим воздухом басы.
До подорожников прогнулись
Цветы под тяжестью росы.
Завешены твои окошки.
И знаешь ты давно о том,
Что дробь саратовской гармошки
Не постучится ночью в дом.
Но в снах твоих не бродит ревность
И нет обиды никакой,
Что затянулось за деревней
Свиданье пахаря с землей.

Деревня Стрельня,
Мосальский район,
Калужской области.

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ

НЕЗРЕЛАЯ РЯБИНА

Ладонью кисти взвесь неторопливо,
Прижми к щеке любую наугад —
В тебя плеснется робкий и пугливый,
Такой незрело-свежий аромат.

Он словно лет прошедших воплощенье,
В нем оживают давние черты:
Неловкость фраз. Натянутость. Смущенье.
И — Ожиданья. Чаянья. Мечты.

Мир неустойчив. С мукой ищем средства
Добраться в нем до места своего.
Но ходим в свете юности — не детства —
И ждем от света этого
всего...

Не налилась еще рябина краской,
Не загорелась, словно огоньки.
Твердинки ягод
внутренностью вязкой,
Как первый опыт жизненный, горьки.

●

Кабы травы собирать — да посметь!
Вон их сколько — те остры, те кудрявее.
В этих яд да волхованья — на смерть,
В этих помощь да спасенье — во здравие...

Есть трава, что упасет от грозы,
Есть, которая — от зверя и гадины.
Подорожника ж зеленый язык
Клеит раны, может слизывать ссадины.

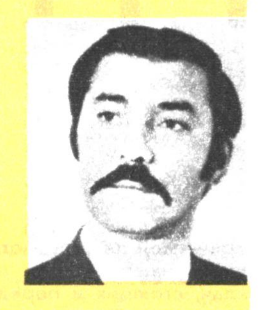
Есть ревенка, что растет у болот.
Против смерти на воде
в ней заклятие.
А потянешь из земли — и ревет,
Стонет птицею и плачет дитятею.

Есть Адамова густая трава.
Любит тех, кто незамедленно женится.
И за нею посылает молва,
Если тяжко занеможет роженица.

Для охотников цветет голубец,
Что болотами под месяцем светится.
Как бывало — выпьет взвар молодец,
И не страшен ни медведь, ни медведица!

Кабы травы собирать — да посметь...

Москва.

Эргаш МУХАММАД

ЗАПАХ ЗЕМЛИ

Пусть ломятся от сладостей столы,
но если хлеба нет —
пиши пропало.
Никто не умирал без пастилы,
без хлеба
человека бы не стало!

А без воды сумел бы кто прожить?
Простой родник —
бесценный дар природы.
Не будь воды —
и слезы станут пить
великие и малые народы.

А воздух?
И ему земной поклон —
хотя на гребне нынешнего века
он ущемлен прогрессом,
но ведь он
необходим для жизни человека.

Но все ж
ни хлеб,
ни воздух,
ни вода
не озарились бы народной славой,
когда бы не пропахли навсегда
родной землей, впитавшей пот кровавый
народа моего...

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В тот день не рассветало.
Смерть, как смерч,
накрыла мир.
Смешалась кровь с землею.
И в грохоте орудий смолкла речь.
И горизонт засыпало золою.
Трава забыла, что была травой.
Свинцовый дождь хлестал из пулемета.
И облака завесой дымовой
закрыли солнце на четыре года.
Река забыла, что она река,
ее переполняли кровь и слезы.
Мир позабыл, что миром был,—
века
не ведал он такой метаморфозы...

Был майский день, когда сбылась мечта:
врага повергло в прах
мое Отечество!
И снова встали на свои места
травинки,
реки,
небо,
Человечество!..

Перевел с узбекского **В. КОРКИЯ.**

А. Наседкин. Род. 1924. ОКТЯБРЬ. 1982—1985.

Художественная выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

В. Некрасов. Род. 1924. ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ. 1984—1985.

Выставка произведений московских художников, посвященная XXVII съезду КПСС.

Юрий
ШЕСТАКОВ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Может быть, оттого первый снег
так тревожит людей,
что с его молодой неземною улыбкою
рядом
и дома, и деревья становятся сразу темней
и живее блестят вдохновенные свежестью
взгляды.

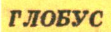
Но к его белизне мы не рано ль
причастия ждем?
Старый мир не приемлет внезапного чуда
и будет
усреднять этот снег не однажды
с привычным дождем,
чтобы новь не влекла...
Но всегда
будут ждать ее люди.

НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

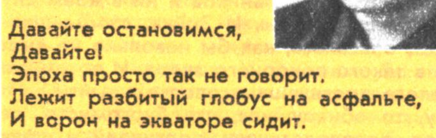
На поле том и мирный зной тревожен,
когда
как бы из памяти столетий
прорвется вдруг такой горячий ветер,
что колкий холодок бежит по коже...
И, помня день,
от ливня стрел дремуч,
доныне солнце при набеге туч
бледнеет так,
что на луну похоже...

Ленинград.

Игорь **ЖЕГЛОВ**

ГЛОБУС

Давайте остановимся,
Давайте!
Эпоха просто так не говорит.
Лежит разбитый глобус на асфальте,
И ворон на экваторе сидит.

Как вспышка от невидимого взрыва
Родится боль:
— А так ли берегли?!
Ужель не слышишь,
Как кричит надрывно
Разбитая модель твоей Земли.

Я Родину беру в свои ладони
И радуюсь наличию границ...

В истории
Нет вырванных страниц,
Кто не учил —
Тот после не нагонит.

КОЛОДЕЦ

Вот сруб.
Ведерко бьется.
Мне долго опускать.
Стареет дно колодца
И отражает мать.
И мать мне улыбнется:
— Живем, сынок,
Живем...
Стареет дно колодца,
Но чище воды в нем.

Москва.

Всем клубом на старте.

ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА

Будем знакомы

Уважаемая редакция!

Пишу по поручению вашего «тезки», клуба любителей бега и зимнего плавания «Огонек». Так решили назвать свой клуб любители бега, живущие в близлежащих московских массивах: Орехово-Борисово, Бирюлево, Ленино, Загорье. Раньше каждый из нас занимался бегом поодиночке. Но, встречаясь друг с другом в старинном Царицынском парке, лесопарке Ленино и купаясь в одной проруби, мы решили создать клуб. Это дает возможность не только общаться, но вовлечь других в любимые нами виды физической культуры. Ведь в нашем Красногвардейском районе Москвы проживают сотни тысяч человек, а практически нет спортивных сооружений, если не считать школьных площадок да небольшого стадиона «Динамо-2».

Мы обратились в районный спорткомитет. Он предоставил в наше распоряжение на полдня в неделю, по воскресеньям, спортбазу одного из предприятий района. После этого наш ветеран бега Валерий Чукин, ставший президентом клуба, написал красочные объявления, и мы расклеили их по всему району. В организации клуба принимали участие Г. Степаненко, старший инженер, ветеран «моржевания» и начинающий бегун, электромонтер Н. Толстоусов, Н. Калужин, В. Никитин, Ю. Зайцев, А. Захаров, Г. Грибанова и многие другие.

Сейчас в нашем клубе уже 130 человек. Самой маленькой бегунье — Кате Мироновой — 6 лет, самой старшей — Дарье Ивановне Корнюк — 69. Есть у нас и спортивные семьи — Мироновы, Мишины, Максимовы и другие.

По воскресеньям, после тренировки и купания, мы собираемся на базе у самовара.

С уважением Л. КЛИМОВ,
заместитель председателя правления
клуба любителей бега «Огонек»

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы очень рады новому знакомству. По приглашению членов клуба «Огонек» у них побывал наш фотокорреспондент А. Бочинин, чьи снимки мы здесь печатаем.

Просим читателей рассказывать нам о таких же начинаниях, которые помогают распространению физической культуры.

Чай после забега.

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Эдуард КОРПАЧЕВ

Услышьте просьбу бывшей подпольщицы. Погибшие подпольщики не услышат, а живые подпольщики, пожилые сверстники мои, не услышат тоже, потому что в других городах вспоминают о юности. Но услышьте вы, пожелавшие вернуть нашу юность.

Я не хочу и не умею играть женщину своих лет, маму подпольщицы, потому что все это нелепо: в жизни, в той юности, которую я не берегла и не страшилась потерять, я была Зоей Шкварко, главной героиней этой правдивой пьесы, в которую вы меня заманили играть, а теперь на ваших подмостках я должна играть не Зою Шкварко, а пожилую маму Зои Шкварко. Я все понимаю, давно уже я не Зойка, давно Зоя Ивановна, помню и без зеркала все морщины на своем суховатом лице и эти сивые свои волоски помню, а только язык у меня деревенеет и вся я немею, когда вижу на этих подмостках другую Зойку Шкварко, молоденькую, востроносую, чернявую, такую непохожую на меня, если еще раз поглядеть на мой довоенный снимок! И не могу я слова связать, когда слышу, что мои прежние слова произносит другая, а не я сама. Вы поймите! Если бы я сама, уже пожилая и не такая бойкая, не такая приятная, да уже и совсем нисколько не приятная, сыграла главную роль, то во мне, может быть, и мелькнул бы талант. Я же помню, какою была. Я же, может, еще и теперь осталась тою Зойкой. А вы меня заманили, дали мне другие слова и смутили. Это очень благородно, что вы решили про нашу юность поставить спектакль. А только я не понимаю: зачем сманили меня с веревочной фабрики в артистки? Чтобы сама подпольщица гремела в пьесе про подпольщиков? Так я же никакая не артистка, я никем не смогу быть, а только Зойкой Шкварко!

Так Зоя Ивановна подумала о последних нелегких днях своей жизни, а сказала обо всем несколько иначе, сказала резко и откровенно.

И смело оглядела всех, кому дорога была ее юность: и живого, насмешливого режиссера народного театра Акима, и сочинителя Игоря Боровского, и местного хроникера в калошах, вострившего карандаш перочинным ножиком. И ей показалось, будто все эти люди на какое-то мгновение были потрясены ее признанием и мольбой.

Зоя Ивановна поежилась, точно лишь сейчас ощутив прохладу зала, где озябнуть можно и душным летом, и тем более теперь, в сентябре, и едва ли не раскаялась пожелала в произнесенном, в своей нелепой мольбе и тут же отказаться и от главной роли, для которой стара, и от другой роли, для которой нету дара. Поставить крест на чуждом ей поприще!

Но тут Аким, проницательно глянув узкими глазами, предвосхитил ее новое признание.

— А ты убеждена, Зоя Ивановна, что главная роль пробудит в тебе талант? Ты убеждена в своих способностях для главной роли? Ты не очень ли самоуверенна, Зоя Ивановна? И веришь, что можешь на сцене повторить свою юность? — И он, устав от целой очереди вопросительных слов, смахнул обильный пот надушенным платком: тучный Аким легко, от малейшего усилия, покрывался испариной.— А теперь,— вытирая губы, пробормотал он сквозь платок,— закончим репетицию до завтра. Попробуем и завтра эту же мизансцену, дорогие мои Зойки.—И посмотрел с безудержным весельем на старую Зойку, на молодую Зойку — на нее, Зою Ивановну, и на Веру Трубенец, которая должна была выступать в главной роли.

И как же противоречивы мы порою в своих чувствах! Без смущения называя себя бездарною и отрекаясь от сцены, она вдруг сердито взглянула на Акима, едва и тот счел ее бесталанной. Сотню раз можем мы упрекать себя в чем-то и можем словно бы нежиться этими собственными упреками, но попробуй-ка другие, посторонние! Тут мы ожесточаемся, тут нас не тронь: мы злые, мы зубастые, мы одни шипы да иголки.

— Что ж, Зоя Ивановна,— вкрадчиво, сердечно и с очень вдумчивой миной произнесла Вера Трубенец,— у актрисы жизнь и состоит из трудов да разочарований. Ищешь, ищешь интонацию, не спишь, бормочешь спросонья слова чужих людей, отчаиваешься, нервничаешь, куришь, дуешь кофе. Труды, незримые тяжкие труды! — И Вера, сокрушенно вздохнув, коснулась пальцами мраморного лба.

Таким знакомым показался Зое Ивановне этот жест, она вспомнила своих выросших дочерей и как они тоже, делая умный вид, касаются кончиками пальцев лба, сокрушенно вздыхают, тяжким вздохом выражают всю сложность жизни, превращают будничные мелочи в неразрешимые, безысходные проблемы.

— Зоя Ивановна,— глуховато попросила сосредоточенная Вера,— мне бы кое-что прояснить... Мне бы кое-какие психологические подробности по ходу роли моей выяснить... Вы понимаете, Зоя Ивановна? Здесь, конечно,— она рукой, с зажатой меж пальцев сигареткой, повела в темную глубь пустынного и свежего, проветренного зала,— здесь не тот разговор. А вот ко мне бы...

— Идем к тебе. Идем к тебе, Зойка! — молодо откликнулась Зоя Ивановна, нарочито называя ее Зойкой и безмерно благодарная в этот миг ей, красавице, умнице, актрисе, за то, что она, юная, будет жить жизнью юной подпольщицы Зойки Шкварко, да и уже сейчас живет, думает, ищет всякие подробности, хочет быть похожей на Зойку, на Зойку!

Когда пришли они в дом Веры Трубенец и сели друг против друга, юная Вера посмотрела на нее как бы впервые, с особенной пристальностью, наверняка искала какие-то необходимые ей психологические черточки, подробности, а Зоя Ивановна смотрела на Веру, благодарная ей за Зойку, и видела в ней сейчас Зойку, Зойку.

Та Зойка была круглолицей, смешной, лунообразной, но зато, наверное, с таким же мраморным челом. И пускай не схожи та Зойка и эта Зойка, а все же сейчас, в этой Зойке, которая курила и подпирала пальчиками белое чело, видела она ту Зойку.

Что такое война, оккупация, подпольщики? Недоучившиеся школьники продолжали писать домашние работы, которые не были школьным заданием, а были боевым заданием, и ночами они писали домашние работы, начинали каждый лист с проклятия фашистам и заканчивали каждый лист здравицей в честь будущей нашей победы. Ночью же, остерегаясь немецких патрулей, надо было тенью приникнуть к забору, оставить правду белой листовки на заборе и тенью же метнуться дальше. Недоучившиеся школьники оставались школьными спортсменами: всюду пролезут, от любой погони уйдут. Но самым главным делом подпольщиков было пленить, схватить живым бургомистра Герхардта. Обрусевший этот немец издавна жил в Жучице, работал инженером на мебельной фабрике, до войны любил вечерами спускаться к Днепру и часами плавать в вечерней, словно бы подогретой нежной воде, а потом стоять, скрестив руки на полной груди, и глядеть на тот берег, темнеющий луг, клюквенную на закате воду Днепра. А еще любил Герхардт варенье из малины, очень он любил эту ягоду, и подпольщики лишь на то и надеялись, что удастся появиться в его доме гостье с полной корзиной малины, улучив удобную минуту, погибнуть или спасти людей, которых согнали на станцию для отправки в Германию. Никто не вправе был решать, кого послать на задание, бросили жребий — счастье погибнуть или выполнить задание досталось ей, Зойке. И с полной корзиной ягод Зойка Шкварко отправилась к душегубу. В планы подпольщиков входило схватить Герхардта в заложники или хотя бы выпытать у пленника самые тайные сведения. И вот сидела Зойка в домашнем кабинете Герхардта, лакомилась малиной, застревавшей в горле, и думала о своих хлопцах, которые совсем неподалеку от дома затаились и ждут, когда любезный Герхардт выйдет на прогулку с гостьей. Но разве планы совпадают с реальными событиями? Что-то настороженное мелькнуло в больших синеватых глазах Герхардта, и Зойка, не медля ни секунды, набросила крючок на дверь и выхватила из-под блузки пистолет. «Или смерть, или отпусти на волю людей, душегуб!» — тихо, ощущая сильнейший озноб, воскликнула она. И повела пистолетом на телефонный аппарат. И ждала: вот сейчас конец, и прощай, мама. Но бледный бургомистр, не глядя на нее, на полое дуло пистолета, стал и в самом деле звонить на станцию и требовать, чтоб задержали загнанных в пакгауз людей, чтоб дожидались новой партии невольников и ни в коем случае не подавали вагоны. И Зойка, сжимавшая пистолет, опасалась, как бы невольно не выстрелить в такого покорного зверя. И потом, когда повелела дрогнувшим голоском выйти на прогулку, то обнаружила, что бургомистр легко вышел, перепоясавшись портупеей и щелкнув пуговкой кобуры, в которой уже не было оружия, а вот она сама не может стронуться с места!

— Ах, Зойка ты моя! — почти с восторгом воскликнула Зоя Ивановна и потянулась к ней, поцеловала в гладкий лоб и стала неотрывно глядеть на эту Зойку, так остро чувствуя сейчас радость жизни.— Ну что тебе, ну какие там подробности? Страшно или не страшно? Да я же сказала: ноги будто примерзли! А еще, если хочешь знать... Когда ту бумажную трубочку вытащила, тот жребий свой, нет, когда жребий пал на меня, то я больше всего за маму испугалась. За маму самый большой страх у меня был! Это же мама шила мне белые фартучки, это она мне учебники покупала. Еще июнь, только начнутся каникулы, а мама покупает для меня учебники у тех, кто перешел в другой класс и кому они уже не нужны. За маму я больше всего и боялась!

Вера, широко раскрыв глаза, с ужасом смотрела на нее, так что Зоя Ивановна своей рукой коснулась мягкой, атласистой Вериной руки, чтобы Вера не так глубоко страдала и пощадила свое сердце.

А Зою Ивановну вдруг озарила та мысль, что вот, занесенная прихотью режиссера на сцену, попросила нахально сыграть главную роль, которая уже сыграна, сыграна. Да что там сыграна! Кровью, жизнью своей и мами-

ной едва не оплачено то самое главное в ее судьбе, что сделало ее знаменитой на всю Жучицу уже навсегда, до самого последнего дня, на все зимы и сентябри, на всю жизнь...

«Дуреха же! — твердила она себе, собираясь уходить и расставаясь с молоденькой Верой, наделенной даром изображать самых разных женщин и даже ничем не похожую на нее Зойку, Зойку Шкварко изображать.— Ах, дуреха же я!»

Минуя главную улицу, наверняка еще запруженную праздным юношеством, она без промедления мчалась окольным путем, пустынными улицами на свою Почтовую. И находила странным в себе неуходящую досаду на жизнелюбивого режиссера Акима. Казалось бы, так радостно было бы смириться, утешив себя большою мыслью о том большом, главном, что навсегда возвысило ее жизнь. И махнуть рукой на свою бесталанность. И не сетовать на Акима. И поставить крест на чуждом ей поприще.

Но раздражало, не давало успокоиться то обстоятельство, что весельчак Аким легко счел ее бесталанной и даже выразил сомнение, сможет ли она, Зоя Ивановна Шкварко, сыграть Зойку Шкварко.

«Да я же была Зойкой и осталась Зойкой! — негодовала она.— Ну, морщинок там несколько. Ну, голос не такой звонкий. Ну, этот дурацкий валик на голове, старомодный валик, над которым потешаются дочки. Но я же все равно тот самый человек!»

Наверное, уж очень решительно ступила она на освещенную веранду своего дома, где пахло горячим вареньем и где обе дочки бережно ставили бутыли и банки, как бы наполненные янтарем, на широкий подоконник, у самого стекла, треснувшего от чьей-то рогатки частыми лучиками, напоминавшими хрустальную паутину.

Дочки — белокурая Слава и тоненькая, с мерцающими глазами Женя — потрясенно взглянули на нее, бросились обе, стали ласково касаться ее одежды, рук, ласково спрашивать, что же с нею, с мамой, произошло.

— А ничего не произошло. Ну и конфетами от вас пахнет! А произойти ничего не произошло. Просто мне не повезло на сцене.

Тут Слава и Женя переглянулись, потянулись одна к другой, комариными голосами перешепнулись и уткнулись каждая в сестрино плечо, заметно вздрагивая от тайного смеха.

«Еще не так посмеетесь,— весело подумала Зоя Ивановна, все еще не прощая Акиму его напрасные и неосторожные слова.— Еще будет смеху. Я вам не Зойка Шкварко? Нет же — Зойка, Зойка! И еще посмотрим, какая Зойка...»

— Ну-ка, дочки, дайте мне барахло соответственное. Желательно какую-нибудь кожаную тужурку. И сапожки зимние. Ничего, сойдут в темноте за кирзовые. И ремнем бы подпоясаться! — требовала она, удивляясь тому, как охотно, словно по волшебному мановению, исполняются все ее загадочные просьбы.

И вот, одетая в кожанку, она предстала перед дочками, влюбленно созерцавшими ее совсем другою, военной женщиной.

— А все-таки, мама, репетиция продолжается. И никакого прощания со сценой,— погрозила восковым пальчиком Женя, сверкнув глазами.

Ничего не понимали дочки, а если и понимали, то по-своему. Но не знали, что вовсе не в таких доспехах собиралась Зойка Шкварко в гости к бургомистру Герхардту. Просто в таком одеянии она действительно выглядела воительницей, чуть ли не революционным комиссаром.

Откозыряв ошеломленным дочкам, она лихо сбежала с крыльца, определенно зная, что Слава и Женя очень долго и уже без утайки будут хохотать, утирать от смеха выступившие слезы и жаловаться потом на боль в боку от такого смеха. Ах, мама в кожанке!

А она, став в эти мгновения Зойкой, бесстрашной Зойкой, вновь темными улицами, вздрагивая вдруг от глухого стука падающей наземь антоновки, кралась на улицу Луначарского — туда, где жил весельчак, шутник, затейник Аким.

Большой деревянный дом светился множеством окон, из одних слышался жизнерадостный голос Акима, из других — музыка, напоминающие оркестр звуки аккордеона, который, должно быть, растягивал сейчас кто-нибудь из Акимовых хлопцев.

Было бы неосторожностью расхаживать или таиться возле освещенного, веселого музыкального дома, и поэтому Зоя Ивановна тотчас же толкнула калитку, распахнувшуюся во двор, в запахи душистого табака, а затем потянула на себя входную дверь, тоже незапертую.

Аким предстал перед нею в ярком свете люстры, похожей на множество неосыпавшихся лепестков, соединенных вместе, на яблоневый цветок. Был Аким розовощек, с несколько лукавым выражением холеного лица, монгольские глаза его сузились от избытка веселья.

И не успел Аким досказать нечто забавное своей жене, тоже смешливой, с мелко завитыми рыжими волосами женщине, как Зоя Ивановна тихо, ощущая сильнейший озноб, воскликнула:

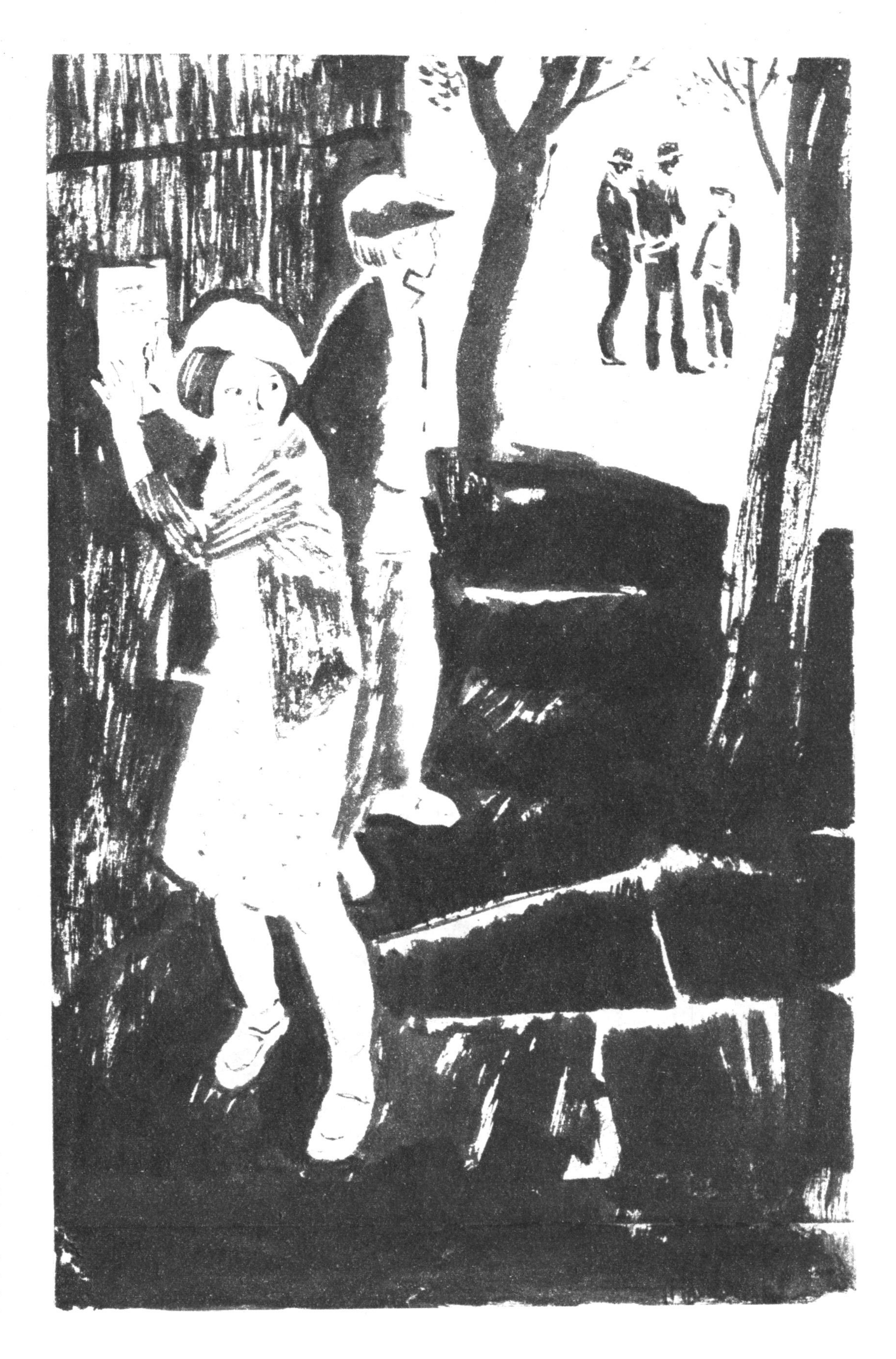
— Или смерть, или отпусти на волю людей, душегуб!

А он, розовея лицом и все так же весело глядя узкими прорезями глаз, соглашался:

— Молодец, Зоя Ивановна, интонацию нашла ту самую, убийственную. И почему бы тебе не сыграть свою Зойку, свою главную роль? Но гриму, гриму на тебя уйдет, Зоя Ивановна!

Она же, счастливая оттого, что вновь видит перед собою румяного, улыбающегося, лукавого человека, сложила обе ладони слева, где сердце, чтобы успокоиться, отойти окончательно, и возразила даже с некоторой дерзостью:

— Оставь свой грим для бутербродов, Аким. Вера сыграет так, как мне не сыграть. Да и зачем мне эта главная роль? Она же мною пройдена, Аким. А теперь пускай Вера, пускай молодые Зойки повторяют мою главную роль!

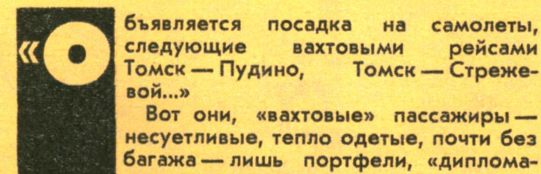
ШАГИ К ТОМСКОЙ НЕФТИ • СИБИРЬ: НАРОД СБОРНЫЙ, НО ОТБОРНЫЙ • НОВЫЙ ГОРОД—СТРОИТЬ ПО-НОВОМУ!

Вахтовый поселок Центральный — посреди Васюганской тайги.

Они — у истоков строительства города Кедровый: начальник передвижной мехколонны В. И. Хлебников, начальник управления Лугинецкнефть С. Г. Каминский, секретарь объединенного парткома В. А. Курбатов.

СИБИРЯКИ

Б. СМИРНОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Объявляется посадка на самолеты, следующие вахтовыми рейсами Томск — Пудино, Томск — Стрежевой...»

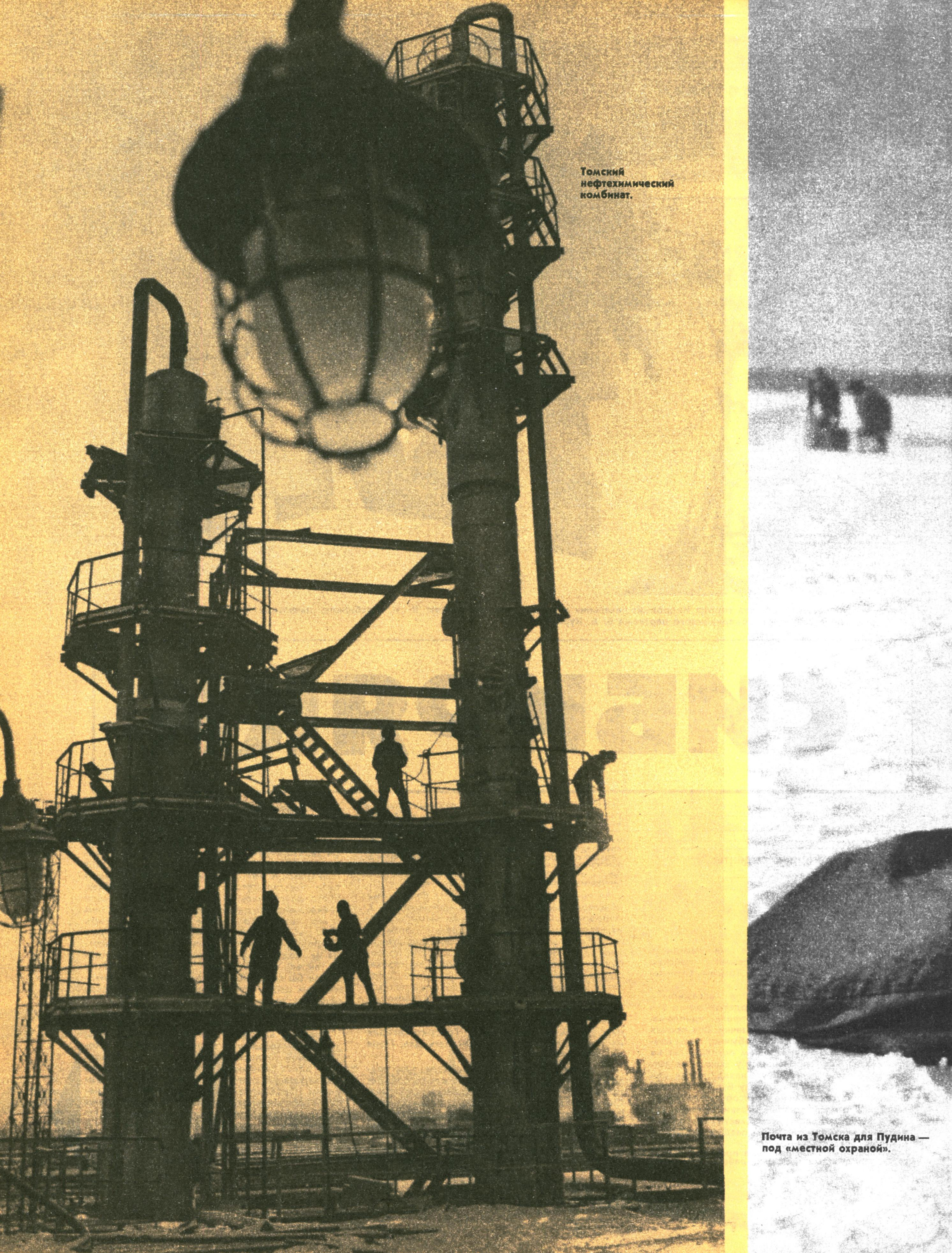
Вот они, «вахтовые» пассажиры — несуетливые, тепло одетые, почти без багажа — лишь портфели, «дипломаты» или легкие рюкзачки. Вся прочая публика, заполнившая, как обычно, залы томского аэропорта, с уважением поглядывает на крепких парней, собравшихся у выхода на летное поле. Еще пять минут назад, когда они бродили по залу, пили кофе у буфетной стойки, никто не обращал на них особого внимания: мало ли кто носит толстые куртки, меховые унты? А когда собрались все вместе — стали выделяться, как кристаллы, выпавшие из насыщенной пассажирской массы.

Вахта... Полмесяца работы в промерзшей тайге, у заиндевелых буровых, работы сплошной полосой, без расслаблений и без выходных, с разрывами на сон в тесных балка́х, на торопливые обеды, завтраки и ужины — до того дня, когда желанный гул вертолета возвестит о прибывающей смене. Все это — вахта. Во всяком случае, такой она представлялась мне в общих чертах по прошлым командировкам в нефтегазоносные точки. Где-то было лучше, где-то хуже, а в целом — тяжелая и муторная, хотя и очень нужная, жизнь на этих вахтах.

Автобус повез нас по летному полю мимо красавцев лайнеров к стоянке маленьких Ан-2. Аэродромный рабочий веником выметал снег из пассажирской кабины, с сидений. Потом туда забрались мы, десять пассажиров, расселись вдоль бортов лицом друг к другу. Нахлобучили шапки, уткнулись носами в воротники, стараясь сохранить тепло на долгие часы полета. Бортмеханик сердобольно раскатал для нас по полу толстый брезентовый чехол — чтобы ногам не стоять на металле. И — полетели... Еще до взлета кто-то из соседей буркнул: «Опять «веселый рейс»! Говорят, сегодня на севере области минус тридцать два. Пора эти «аннушки» списывать...»

Задание редакции предписывало нам создать в этом фотоочерке что-то вроде собирательного портрета сегодняшнего сибиряка. Сначала казалось, что сделать это просто: подберем подходящую кандидатуру, расспросим человека, сфотографируем — да что мы, в Сибири сибиряков не видали? Слава богу... Но потом призадумались: кого мы, собственно говоря, собираемся найти? Плакатного героя богатырского роста, в распахнутом полушубке, с белозубой улыбкой и детскими наивными глазами — таким, судя по иным повестям и кинофильмам, представляют себе жителя Сибири те, кто видел эти края разве что по телевизору. Но плакатные герои хороши лишь для плакатов... А вот они, живые герои, дремлют себе под гул мотора напротив, на скамейках, и это действительно герои, потому что мало сейчас найдется работ тяжелее и почетнее, чем у них, хотя никто и нигде не будет встречать этих ребят фанфарами или просто цветами. Наоборот, увидишь таких на улице, никогда не подумаешь, что за ними нефть, тайга, лютый холод: самые обычные люди. Рост вроде бы средний, бород ни у кого нет, никаких там особо «экзотических» одежд, и если есть мех, то не медвежий или волчий, а в основном синтетический; вот и фоторепортер не спешит хвататься за аппарат...

Пробуем выяснить, кто откуда. Оказалось, четверо — здешние, томичи, двое — из Костромской области, а обладатель единственной здесь «типичной сибирской» мохнатой шапки-ушанки всего год назад приехал с Украины. Любопытная деталь: половина из наших собеседников работают вместе, давно знают друг друга, но никогда, оказывается, не интересовались, кто откуда родом. Почему? «А это не так и важно, все мы теперь сибиряки!» — объяснил тот, кто представился нам геофизиком. «Что же, по-вашему, это понятие

Томский нефтехимический комбинат.

Почта из Томска для Пудина — под «местной охраной».

стало теперь не географическим, а профессиональным!» «Вот-вот! — подхватил сосед слева, помбур по специальности.— Дело не в том, что ты здесь живешь, а в том, можешь ли ты здесь работать. У кого душа похлипче — не выдерживает, уезжает. Кто остается — тот и сибиряк!»

«Значит, надо искать сибирский характер? Да, такой поворот темы усложняет нашу задачу, да и с какой стороны к этому самому характеру подходить?» — размышлял я, глядя вниз через полузамерзшее окошко. Вот пейзаж был самым настоящим, сибирским — сплошная тайга. Отсюда, сверху, она казалась меховой поношенной шубой, наброшенной на землю,— с проплешинами болот, с белыми снежными запятыми ручейков и речушек, прорезавших лесные чащобы — словно бы моль прошлась по старому меху... Летишь, летишь, и ни следа внизу, ни дымка — настоящая глушь. Может, нам на это и уповать — на трудности? На то, как их успешно преодолевают, на энтузиазм. Правда, время сейчас не то, чтобы компенсировать все трудности энтузиазмом. Вот ведь правильно сказал кто-то при посадке в самолет — пора уже эти старые добрые «аннушки» списывать. Ведь есть же у нас более современные, более комфортабельные самолеты для местных линий — зачем же зря людей морозить? Нефть нефтью, она здесь есть, без вахтового метода на таких огромных пространствах не обойтись — значит, надо строить твердые взлетно-посадочные полосы для современных самолетов. Пусть сначала они обойдутся дорого, зато для экономики перевозок — интенсивный толчок вперед и о людях забота, не нужна эта романтика «веселых рейсов»...

Самолет круто пошел на посадку. Внизу Пудино — маленький поселок среди болотистой тайги. Обрывистый берег речушки Ольга, крыши, заборы, шесть улиц вдоль, шесть поперек. На окраине небольшого временного аэродрома — радиовышка, склады, какие-то промышленные строения...

Вот так же, как и мы — с неба на голову, свалилась лет десять назад на этот тихий поселок неожиданная популярность. Геологи нащупали под землей нефтяной свод, наименовали его Пудинским, и притихла, сжалась тайга от гула вертолетов и самолетов, раскромсали ее вдоль и поперек лежневыми дорогами вездеходы и трактора; по неказистым речкам, впадающим двумястами километрами ниже в Обь, пришельцы сумели затащить сюда по весеннему половодью тяжелые баржи с грузами. Все — для нефти. Теперь Пудино обозначено даже на мелкомасштабных картах страны. Нам рассказали — название это родилось в начале века. Какой-то энергичный купец поставил на речке мельницу, а за помол брал с людей плату «натурой» — по пуду муки. Так его и прозвали — Пудин. Даже дом его сохранился. Мы как раз проехали мимо, когда час спустя после прилета направились в Кедровый.

— Пудино — это временная база, эпизод в истории освоения западносибирской нефти. Уже через месяц база переедет в город Кедровый, километрах в семи отсюда. Это будет базовый город вахтовиков, стройка его объявлена ударной комсомольской. Место выбрали очень удачно. Пудино в низине, на болотистых почвах, в распутицу тягачи вязнут в грязи на улицах, а Кедровый будет стоять на песчаном холме, среди хвойного леса: дождь закончится — и сразу же иди хоть в легких туфлях, красота! А главное — мы решили отказаться от традиции «садиться» новым строительством на старый поселок, чтобы избежать обычной при таком варианте неразберихи и сумятицы. Хотим, чтобы в новом городе было все по-новому: и экономическая целесообразность, и красота, и удобство для жизни, и совместимость с природой. Как этого добиться? Прежде всего с самого начала не повторять ошибок прошлого...

Дорога к Кедровому — пока временная — шла по прекрасному сосновому лесу, картинно присыпанному снегом. Может, поэтому слова о новом городе, которые произносил секретарь объединенного парткома Валерий Афанасьевич Курбатов, звучали здесь как торжественное обещание. И нам очень хотелось им верить, потому что всегда, когда стоишь у истоков нового дела, хочется верить в его успех. А дело здесь затевается грандиозное: в глуши, едва ли не в белом пятне на карте Сибири, строится будущий центр нефтегазоносного региона!

Можно, конечно, возразить: мало ли мы слышали разговоров о новых, особенных городах, которые собирались построить молодые (или уже немолодые) энтузиасты? Да я и сам назову минимум два таких несостоявшихся сибирских чудо-города: Светлый в Тюменской области, Кедроград в Алтайском крае. Мы радостно изучали их планы на бумаге и собственными руками укрепляли на деревьях таблички с названиями будущих улиц... А потом все потонуло в межведомственных неурядицах, в бухгалтерских папках и спешных поправках к плану по пресловутому «валу». Не поглотит ли та же бумажная волна воздушные замки Кедрового? Судя по первым шагам — непохоже: здесь дело попало, кажется, в руки крепкие и надежные.

Вот Курбатов: один из организаторов строительства молодого города Стрежевой, сюда приехал прямо «из кресла» первого секретаря Томского обкома ВЛКСМ. И возглавил объединенный партком — это значит, автоматически снимаются всевозможные межведомственные трения строителей,— буровиков, нефтедобытчиков, транспортников. Нити целого региона — хозяйственные, идеологические, бытовые — сосредоточены в одних руках...

— Для меня все решилось в обкоме партии буквально в минуту, два месяца назад. Сказали — надо ехать — и я поехал.

— Ну, а если откровенно — вам это назначение по душе? Такая ответственность! Конечно, партийная дисциплина на первом месте, но есть еще и чисто человеческие устремления...

— Если откровенно — к такой работе я стремился всегда! — не задумываясь, ответил Валерий Афанасьевич.— Настоящее, большое дело по нашим, сибирским масштабам: огромные возможности, надежная поддержка, молодежь вокруг — да об этом можно только мечтать! Особенно сейчас, когда положению дел на «нефтяном фронте» даны такие верные оценки. Вот Нижневартовск — наш ближайший сосед в Тюменской области; упущения в развитии этого города сейчас общеизвестны, мы старались их избежать при строительстве нашего томского города Стрежевой. Стрежевому сейчас уже двадцать лет, его во всех газетах расхваливают, но мы-то сами видим: и в Стрежевом много недостатков! Значит, в Кедровом они не должны повториться. Например, вопрос со школой. Сейчас в Кедровом живут 85 ребят, из них 20 — школьного возраста. В проекте города была школа на четыреста мест, но мы изменили проект — построим корпус сразу на 1250 мест! Это будет комплексная школа: после общеобразовательных предметов — обязательные для всех занятия в спортивных классах, ведь мы растим сибиряков, будущих нефтяников, им надо с детства дать здоровье и силу. Потом — обязательные занятия в музыкальной школе; не для того, чтобы сделать всех музыкантами, но чтобы дать возможность проявиться у каждого (помните, об этом говорил композитор Кабалевский?) естественным способностям. Здесь же — хореографическая школа, школа искусств, кабинеты профориентации... Ребята в школе отдыхают, обедают и к шести вечера с выученными уроками одновременно с родителями возвращаются домой, в лоно, так сказать, семейных отношений. Прожект? Ничуть. Нас поддержали обком партии и облисполком, выделяются средства, оборудование, есть договоренность со студентами педвузов — они уже готовятся работать у нас. Как только наладим в январе дорогу, начнем завозить материалы и строить школу одновременно с жильем. Чего мы этим добьемся? Самого главного: закрепим в Кедровом людей семейных, обстоятельных, как правило, специалистов. А что получилось в Стрежевом? Все четыре городские школы сейчас переполнены, работают в три смены, представляете — нагрузка на педагогов? Какое уж тут комплексное обучение. Родители, конечно, недовольны — никакими заработками не возместишь недовоспитание детей. И люди оттуда уже уезжают, хотя и могли, и желали бы там работать и дальше...

Секретарь парткома произнес все это, как говорится, единым духом, причем со многими цифрами, пересказывать которые здесь просто ни к чему. И больше всего в этом монологе привлекало то, что именно с детской темы начал Курбатов разговор о новом городе. Не цифры планов, не тонны нефти, а дети. Между прочим, это совсем не значило, что Курбатов, увлекшись «школьной» идеей, забыл о других заботах: нет, нынешние руководители научились совмещать эмоции с умением считать деньги. Например, рассказывая о проекте будущих яслей и детских садов, Курбатов обронил фразу, что, мол, нельзя позволить ни одному из родителей сидеть здесь дома, потому что сейчас пребывание каждого человека в этих местах обходится государству в многие сотни рублей ежедневно. Мы, сказал Курбатов, не так богаты, чтобы рабочие руки «сидели дома».

Я не успел спросить — применялся ли при создании планов Кедрового компьютер, но учли здесь, кажется, все: возраст и число людей, количество машин, тонны грузов, километры расстояний, дни и часы месяцев и недель. Особые расчеты на холостых людей: кого и как сюда привлечь, что за работу предложить, как удержать на месте. Просто удивительно, какую смелость позволяют себе экономисты: холостяки сюда еще и не приехали, города пока нет, а ученые мужи уже знают, что в 1990 году здесь будет 2400 детей школьного возраста! И как не поверить в реальность этих расчетов, если буквально вслед за этими фантастическими на первый взгляд выкладками слышишь: «Уже завезли детский садик на 160 человек, с бассейном, на днях начинаем монтаж». Слово «бассейн» мне никак не удавалось написать в блокноте — наш автобус, сделанный на базе мощного «Урала», в этот момент проскакивал смерзшееся болото.

Вот и город, вернее, лесная поляна, с которой он начинается. Место в самом деле высокое, какое-то светлое, радостное... Сейчас приезжим пока только и остается, что любоваться природой, потому что весь город — это два готовых двухэтажных общежития и два строящихся, все остальное — времянки.

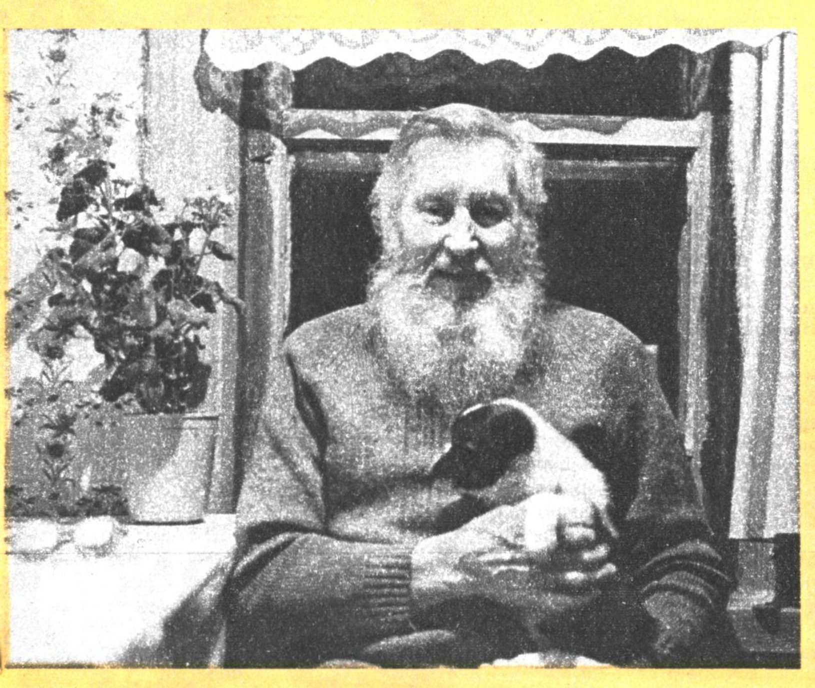
О, эти вагончики, эти вросшие в землю эшелоны, скольким поколениям первопроходцев вы дарите свой кочевой уют, с вас начинались в последние десятилетия все стройки, все поселки и города... Только почему же Курбатов смотрит с таким отчаянием на эту улицу из вагончиков-балков?

— Просто мечтаю скорее избавиться от временно-вечных жилищ... Вы ведь понимаете, сами по себе балки́ — вещь прекрасная и очень нужная, но они стали словно бы символом нашего бессилия строить быстро, надежно, капитально. Впрочем, приезжайте через год — этих балко́в здесь уже не будет. Вот тут встанет первый пятиэтажный жилой корпус, площадка готова — нет только стройматериалов. Почему не завезли? Болота́! — со вздохом произнес Курбатов, делая ударение в этом слове, как принято в Сибири, на последнем слоге.— Самые большие в мире болота! Кстати, огромные запасы торфа, есть железная руда, огромные поля клюквы, черники, брусники. Все это мы учитываем, но — в перспективе. А пока живем как на острове. К нам одна дорога — по воздуху. Приходится ждать главного строителя — Деда Мороза! В середине января протопчем зимник, и пойдут машины с грузами. Начнем монтировать дома, будем сразу строить бетонную полосу для больших самолетов, новый народ приедет — в общем, задышит город.

— А вы не боитесь, что, когда приедет много новых людей, не все захотят поддержать идеалы, которыми руководствуются в Кедровом?

— Нет, не боимся. Вы знаете, каким бы ни был человек, приезжающий на сибирскую стройку,— он всегда хочет, чтобы она велась споро, ритмично, продуманно, чтобы был порядок и в работе, и в быту — а мы только этого и добиваемся. Впрочем, с таким настроением люди едут не только в Сибирь — на любую стройку, но здесь, при нашей изоляции расстоянием, нормальные условия просто необходимы. Кто же пойдет против них? Потом, к нам уже сейчас просятся многие, но мы не всех берем. Прошли времена, когда такие стройки напоминали проходной двор — приходили и уходили все кому вздумается. Нет, мы должны точно знать, когда, где и сколько нам нужно людей, с какими специальностями — разбираться во всем этом потом будет слишком дорого. Знаете, как теперь у нас говорят? Народ в Сибири сборный, но отборный! Ну и, может быть, главное: на то и существует партийная организация, чтобы утверждать идеалы!

«...Сибирь должна стать не только стройплощадкой, не только грандиозным производственным цехом. Всем нам надо помнить, что если не сделать этот обширный край удобным местом для жизни человека, то тогда и все наши планы останутся на бумаге», — сказал М. С. Горбачев, выступая в сентябре прошлого года на совещании партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей. Планы Кедрового тоже пока еще живут на бумаге, даже контуры города лишь намечены на сибирской земле. Каким он будет? Наверное, повторит в себе характеры сибиряков — тех, новых, кто придет сюда, и тех, кто уже строит город сегодня.

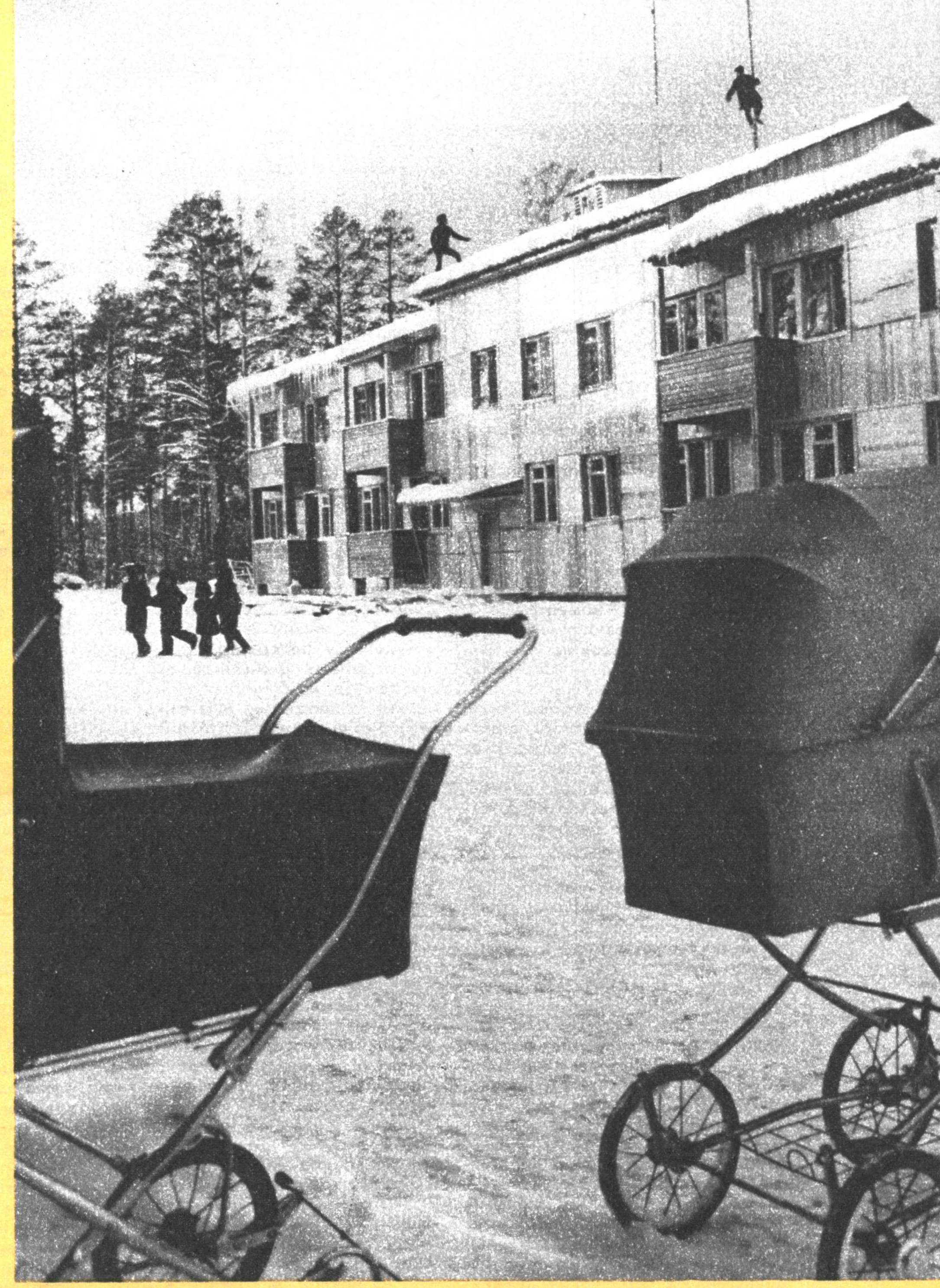
Ветерану поселка Пудино Михаилу Николаевичу Бочанову — 95 лет.

Во втором по счету доме Кедрового сегодня — новоселье.

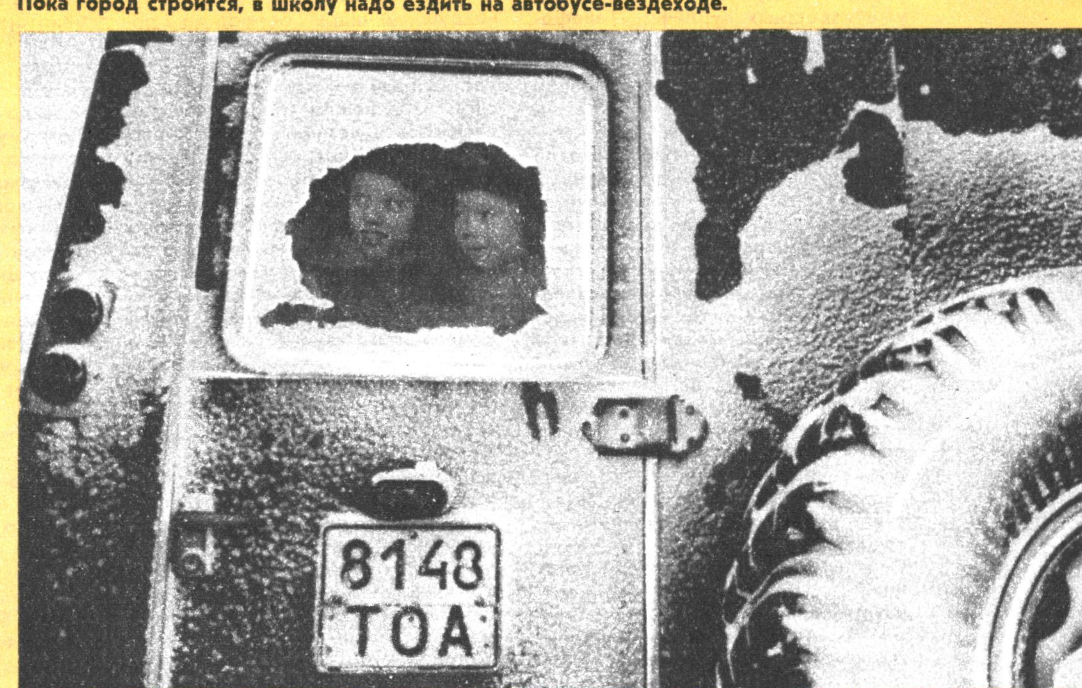
Два лесничих: государственный — В. С. Черепанов и школьный — девятиклассник Костя Дмитриев — в Тимирязевском лесхозе под Томском.

...И уже в первых домах — электричество, тепло, канализация, телефонная связь, телевидение.

Пока город строится, в школу надо ездить на автобусе-вездеходе.

Анатолий **ПРОХОРОВ**

Фото **С. ПЕТРУХИНА**

Два лица у этого театра: улыбающееся лицо Асисяя с носом-пробкой и уже знаменитой телефонной трубкой — и молодая труппа клоунов-мимов, которых широкий зритель пока еще почти не знает.

Два лица у этого театра: несколько эстрадных номеров, которые «крутит» телевидение,— и серьезные трагифарсовые спектакли, ставшие заметным явлением в театральном мире.

Сегодня мы — о втором лице. Ибо первое уже устоялось, а второе только-только определяет свои собственные черты.

А театру-то всего лет восемь. Сперва это были несколько молодых актеров, собравшихся вокруг двух столь же молодых, но уже популярных мимов-комиков, лауреатов Всесоюзного конкурса артистов эстрады Вячеслава Полунина и Александра Скворцова, известных своей эстрадной миниатюрой «Бокс».

Труппа сделала свои первые спектакли: «Фантазеры» и «Лицедеи». И хотя «Лицедеи» вскоре ушли из репертуара, это имя осталось жить в названии ленинградского театра пантомимы и клоунады.

А потом был спектакль «Чурдаки», о четырех знаменитых в начале века клоунах братьях Фрателлини, которые, состарившись и сделавшись никому не нужными, доживают на чердаке свою жизнь, так и не сумев (за целую жизнь!) стать степенными и добропорядочными. На чердаке царит фейерверк розыгрышей, клоунских баек и раздумий, диапазон которых простирается от концертных воспоминаний старого певца до уже известных публике «Телефонов» (да, да, этот номер — из финала «Чурдаков»); от странно-призрачной грезы-тоски по так и неудавшейся свадьбе до трагичной «Баллады о двух бомбардировщиках». Возникающий в этой балладе раскаленный антивоенный пафос становится кульминацией спектакля, придавая всему «трагическому балагану» очень точную социальную и гуманистическую направленность. И эту направленность по достоинству оценили делегаты XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в подготовке которого, кстати сказать, В. Полунин, художественный руководитель театра, и все «лицедеи» приняли большое участие.

Именно в «Чурдаках» впервые сложился равноправный актерский ансамбль. «Чурдаки» — это сам Полунин, Николай Терентьев, Сергей Шашелев и Валерий Кефт, или, как это принято у «лицедеев», Асисяй, Майка, Чёра и Одуванчик. А ведь есть еще и Леонид Лейкин (широкая публика знает его пока только как демагога-воспитателя, аж напуганного от счастья безнаказанно говорить всем «Низя-я-я!» в сценке «Льзя!»), и Антон Адасинский, и Галина Войцеховская, и Ольга Кочнева...

Хотя у «Лицедеев» нет своего помещения (у них вообще многого нет, и это очень мешает актерам, а значит, и зрителям), хотя они постоянно гастролируют по всей стране, все же перед нами не просто эстрадная группа, а театр. Условия «проката» эстрадной программы и у нас, и во всем мире таковы, что, например, уже имевшихся «Фантазеров» и концертных номеров «Лицедеям» хватило бы лет на десять спокойной эстрадной жизни. А театр должен наращивать репертуар. И «Лицедеи» делают «Асисяй-ревю», где избранные миниатюры из имеющихся спектаклей, которые по техническим причинам трудно вывезти на гастроли целиком, соседствуют более чем с половиной новых номеров.

Сразу же за «Асисяй-ревю» в театре начинается работа над спектаклем «Жизнь насекомых». Спектакль еще не закончен, но думаю, не ошибусь, если скажу, что притча «Глаза» из материала к нему уже сейчас по силе художественного воздействия достигла уровня знаменитой «Клетки» Марселя Марсо. Спектакль рассчитан на очень молодого зрителя: от 15 до 20 лет. Поясняя свой замысел, В. Полунин говорил: «Они очень неясные люди, эти сегодняшние пятнадцатилетние. До них не так просто достучаться. И мы хотим говорить с ними об их проблемах на их языке».

Итак, перед нами не эстрадная группа, а театр. Но театр-то странный. Те, кто видел «Фантазеров», знают, что у спектакля нет обычного завершения, когда актеры, скромно потупив взгляды, выходят на поклон. А зрители, в меру поаплодировав, расходятся по домам. Здесь после финала «расходятся» актеры. Они кидают в зал громадные разноцветные мячи и воздушные шары, бегают по проходам... Театр на четверть часа превращается в детский сад, где каждый в меру своей физической и душевной резвости пытается отбить летящий на него шар. Часть детей, которые всегда есть на спектакле, перебирается на сцену, играя друг с другом и с актерами. И все же основная часть зрителей привычно выходит из зала, не подозревая, что, хоть спектакль и закончился, «утренник» человеческой души все еще длится. Начинаются танцы, исполнители убирают минимальные декорации и разгримировываются. И уже идет традиционная беседа зрителей с актерами обо всем на свете.

Но если у «Фантазеров» нет раз навсегда зафиксированного окончания спектакля, то у «Чурдаков» нет и начала. И вообще у «Лицедеев» театральный праздник продлевают во времени и пространстве массой случайных выдумок, которые потом, обрастая подробностями, вновь вспыхивают в последующих спектаклях. Оказывается, здесь нет репетиций. Как это? Ведь это все равно, что писать повесть сразу набело, без черновиков.

А так! Клоун — существо хрупкое. Если он потеряет радость своего общения со зрителем, смелость и наивность импровизационного дара, то... Кому он нужен, такой «отрабатывающий службу» клоун? Именно поэтому актер на каждом спектакле придумывает все новые и новые детали поведения и костюма, стараясь неожиданно откликаться и на выходку партнера.

Здесь неудачная сегодняшняя импровизация ценится больше, чем четко повторенная вчерашняя удача. Есть ли при таком подходе потери? Несомненно. Но «Лицедеи» утверждают, что есть и такие находки, которые невозможно «высчитать» вне зрительской реакции. Поэтому вместо репетиций есть показы: все в этом театре рождается на глазах у зрителей. Ведь публика — воздух для клоунады!

Однако этот принцип требует ежедневных наблюдений и проб. И это несмотря на то, что все организационные заботы театра лежат на плечах самих актеров. «Лицедеи» будоражат окружающих, присматриваются и организуют «клоунские ситуации» из ничего и повсюду: при укладывании реквизита и на разборе спектакля (где каждый радуется чужой удаче!), на улице и дома. Так профессия расширяется до жизненно необходимого счастья ежеминутного всматривания в мир «глазами клоуна». А это ой какой труд! Уж лучше просто репетировать...

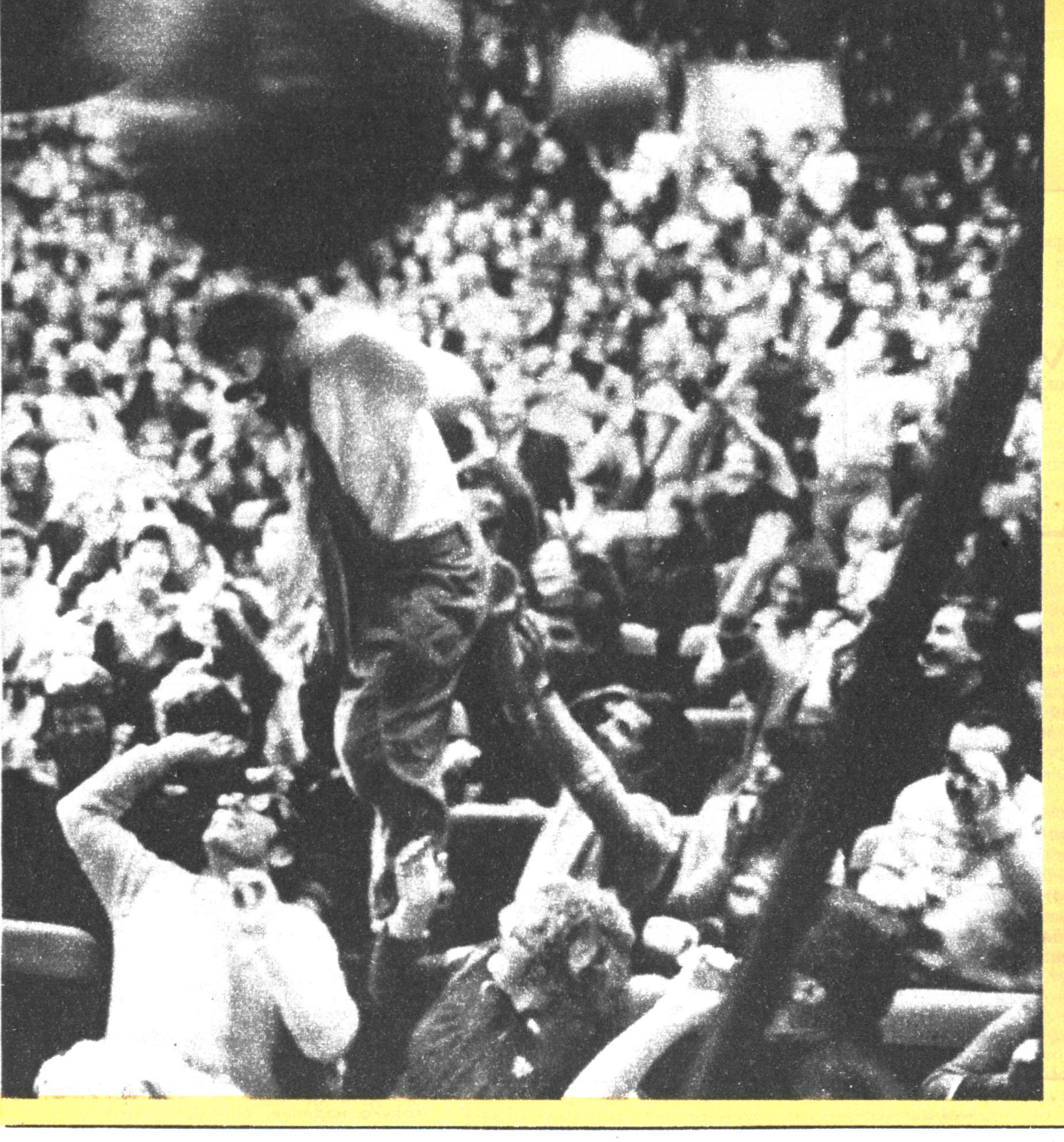

В легком и даже чуть восторженном тоне моего рассказа о театре не должна затеряться важная мысль. «Лицедеи» — не идеал. У них масса художественных проблем и чисто творческих опасностей — забуксовать в рамках «всепрощающей» малой сцены, восторгах «друзей театра», в первых успехах молодых актеров, в некоторой замкнутости театра «на себя». «Лицедеи», по существу, только начинают показывать нам свое второе лицо. Но оно уже интересно «необщим выраженьем». Поэтому для театра нужно создавать реальные организационные возможности двигаться и расти.

На вопрос: «А нельзя ли помочь импровизационным поискам новых выразительных средств, новых зрелищных форм логическим осмыслением художественных конструкций, привычным для драматического театра режиссерским расчетом»,— «Лицедеи» отвечают просто: «А нам это неинтересно. Нам интереснее прожить изобретение каждого велосипеда». Бесспорна ли такая позиция? Никак нет. Но зрителя она... увлекает.

Дух «Лицедеев» заразителен. Пример «театра без черновиков» значим не только внутритеатрально, но и общесоциально. А не прожить ли каждому из нас свою жизнь без черновиков? Пусть она удастся не во всем, не сразу. Но сколько же будет радости и простора!

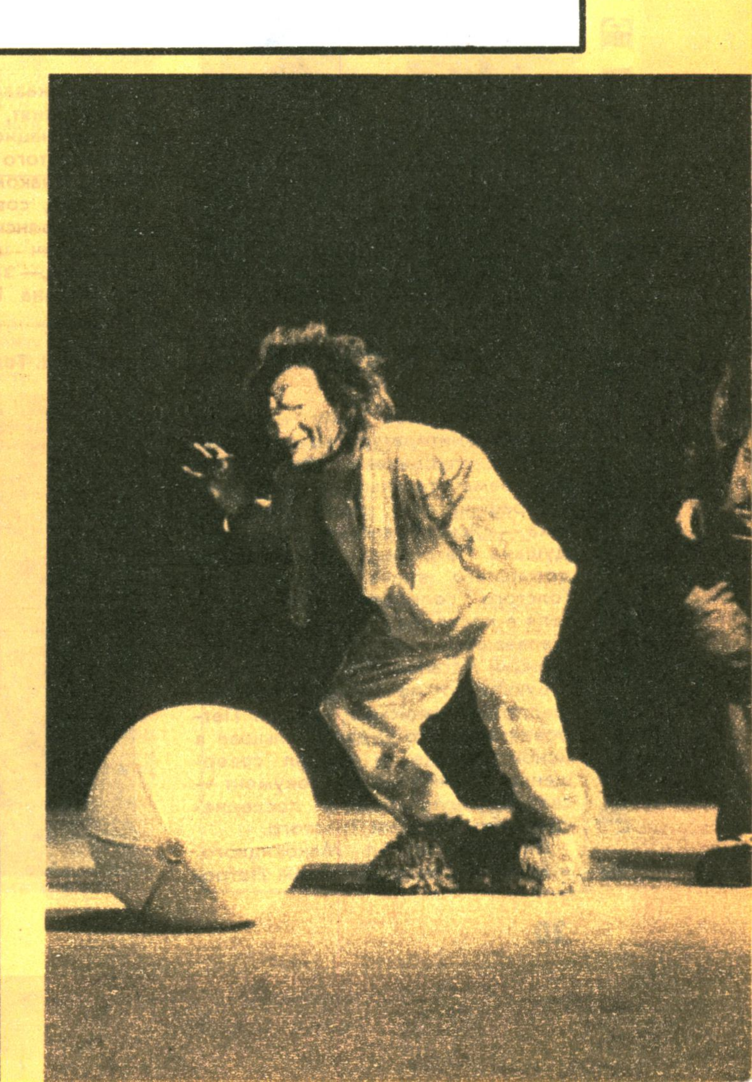

И Ц Е Д Е И

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА

Разбирая бумаги Павла Алексеевича Козлова, поэта и музыканта, автора известных в XIX веке романсов, мы обнаружили письмо И. С. Тургенева, неизвестное в эпистолярном наследии писателя, написанное на немецком языке в Баден-Бадене 21 октября 1871 года.

«Баден-Баден,
Тиргартенштрассе, 3
21 окт. 1871

Милостивый государь!

Я получил Ваше письмо и прошу Вас принять мою большую благодарность за Ваш быстрый и любезный ответ. Господин Фревель признал смехотворным свое требование и удовлетворился столь незначительной суммой, что нет смысла с кем-то ее делить. Тем не менее, я благодарен Вам за Ваше предложение.

30 октября я покидаю виллу и передаю ее Гейтеру. Я спросил у господина Мюллера: возможно ли по его мнению оставить немного книг и вещей на несколько месяцев в одной из комнат верхнего этажа? Он меня уверил, что Вы не будете против этого возражать. К 1 мая комната наверняка будет свободна.

Ваша просьба о фотографии очень лестна для меня и я бы тотчас удовлетворил Ваше желание, но сейчас у меня нет моей большой фотографии. Я пришлю ее из Парижа, и Гейтер повесит ее на подходящем месте.

С наилучшими пожеланиями для Бактехельнет, прошу принять мои заверения в моем искреннем уважении.

И. Тургенев».

Письмо И. С. Тургенева. Автограф. Публикуется впервые.

По мнению профессора А. Я. Звигильского, большого знатока творчества и жизни Тургенева, главы французского Общества «Друзья Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран», который любезно помог с расшифровкой автографа, письмо Ивана Сергеевича адресовано владельцу виллы, арендовавшейся Тургеневым в Баден-Бадене. Профессор Звигильский, посетивший эту виллу, свидетельствует, что она бережно сохраняется нынешним ее владельцем, почитателем Тургенева и русского искусства вообще.

П. А. Козлов был знаком с Тургеневым и Полиной Виардо. Встречался с ними в Баден-Бадене и Париже. Деловая часть переписки, связанная с созданием литературного сборника, который одно время хотел издать Павел Алексеевич, отражена в первом полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева. Об их встречах свидетельствует и автографическая запись в альбоме Козлова, заведенном в связи с проводимыми им так называемыми «Литературными обедами».

«Желал я очень написать Вам что-нибудь стихами,— писал Тургенев в альбоме,— но я так давно расстался с Музой, что мне остается заявить смиренной прозой, что я очень рад и свиданию с Вами, и случаю попасть в отборное общество, наполняющее Ваш альбом.

Карлсбад, июнь, 1873 г.

Иван Тургенев».

Отметим, что это была одна из последних альбомных записок И. С. Тургенева.

М. и В. КОЗЛОВЫ

СТРАНИЦЫ МИНУВШЕГО

ТОЛСТОВСКИЕ РЕЛИКВИИ

Портрет Д. П. Маковицкого.

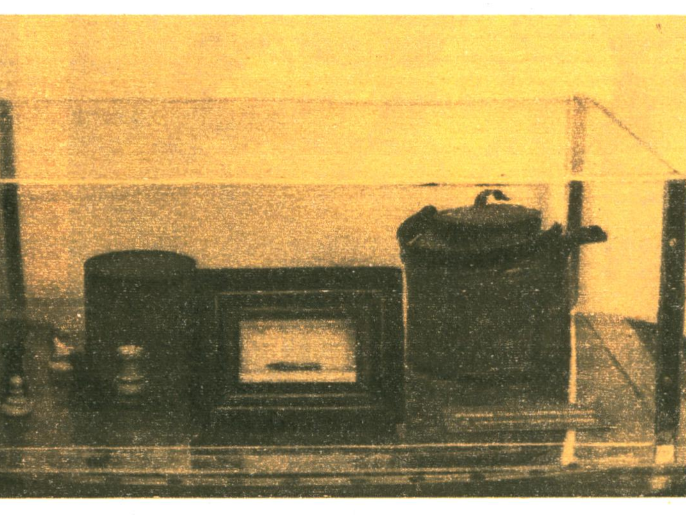
Несколько лет тому назад в 4 томах «Литературного наследства» был опубликован один из самых замечательных литературно-биографических документов XX века — «Яснополянские записки» Душана Петровича Маковицкого, домашнего врача и друга Л. Н. Толстого, сопровождавшего писателя в последнем «уходе», присутствовавшего при его кончине на станции Астапово.

Буквально по часам в течение шести лет записывал Душан Петрович все, что видел и слышал в Ясной Поляне, и создал совершенно уникальный документ — своеобразную хронику последнего периода жизни Толстого.

Писатель любил Маковицкого. «Желал бы быть Душаном Петровичем,— сказал он однажды.— Ах, он все занят, всем нужен». Словак по национальности, врач и друг Толстого сделал неоценимо много, знакомя его с историей, культурой, современным положением славянских народов. И Лев Николаевич ценил это. «Как мы счастливы,— заметил он,— что через Душана Петровича знаем таких интересных людей, как славяне».

В Словакии, в небольшой деревне Бродзяны, в старинном замке находится ныне музей русско-словацких литературных связей. Организован музей Матицей словацкой, культурным учреждением, в чью задачу со дня образования в 1863 году входило не только издание словацких книг и журналов, но и постоянное укрепление русско-словацких культурных контактов. Здесь бережно хранятся толстовские реликвии, которые привез, вернувшись на родину, Д. П. Маковицкий. Почти все свои вещи, книги и рукописи он оставил московскому музею Толстого. С собой взял самую малую часть того, что напоминало ему о великом друге,— очень простой закопченный чайник и котелок, который был с Маковицким, когда он сопровождал Толстого в его последние дни, шахматы и перо, обычное, казалось бы, перо № 86, но ведь именно им была написана статья «Не могу молчать». На письменном столе Маковицкого несколько небольших листочков бумаги — из таких записок и составился основной труд его жизни.

Вещи Л. Н. Толстого.

1 января 1911 года внуки Толстого написали в его записной книжке: «Какой ты счастливец, Душан, что жил с Дедушкой, что дедушка тебя так любил! Это тебе большое утешение. Мы тебя тоже очень любим и никогда не забудем. Соня Толстая. Илюша Толстой».

Читая в музее эту запись, просматривая книги, письма, рукописи, рисунки, связанные со Львом Толстым, постоянно думаешь о сохранившем в трудные годы эти реликвии Д. П. Маковицком, которого называли «адвокатом славянства» в Ясной Поляне и в России.

Его отношения с Толстым, его жизнь и деятельность, о которых так интересно и предметно рассказано в словацком музее,— пример бескорыстного служения и самоотверженности.

А. ЕФИМОВ

В эпоху мечтателей

В июле 1918 года в Петрограде была издана поэма Александра Блока «Соловьиный сад». Этой изящной книжечкой началась жизнь нового издательства «Алконост», созданного юным тогда С. М. Алянским. Вряд ли сам он сознавал, какую роль сыграет издательство в жизни многих русских поэтов и особенно в судьбе А. Блока, большинство книг которого при жизни в послереволюционные годы вышло именно в «Алконосте». Венцом деятельности «Алконоста» стало издание поэмы «Двенадцать» с иллюстрациями Ю. Анненкова. А вскоре после смерти Блока закончил существование и «Алконост», вошедший в историю советской культуры как одно из значительных свершений первых послереволюционных лет.

И не случайно проницательный Блок написал в альбоме автографов Алянского в марте 1919 года: «Дорогой Самуил Миронович! Сегодня весь день я думал об «Алконосте». Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет «Алконост» и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет, и очень важно, что начат он в июне (а не раньше), потому что каждый месяц, если не каждый день этого года,— равен году или десятку лет. Да будет «Алконост»! I.03.1919 Ал. Блок». (Альбом с этой записью хранится в архиве Н. С. Алянской.)

В альбоме «Алконоста» среди автографов А. Белого, А. Ахматовой, А. Ремизова и других писателей есть и еще одна малоизвестная запись Блока: «Дорогой Самуил Миронович! Вы хотели стихов. В стихах я мог бы сейчас только смеяться над тем, что не смешно, и, может быть, плакать. Но я не хочу смеяться над тем, что не смешно, и плакать над тем, что грозно. Поэтому прошу Вас принять вновь и вновь только прозу. 5 сентября 1920. Александр Блок».

С. М. Алянский, прекрасный человек, истинный знаток книги, «один из интереснейших людей нашего времени» (Паустовский), долгие годы работал в советской литературе. Он был талантливым человеком и прирожденным издателем, и о том лучше всех сказал К. А. Федин, обращаясь к Алянскому: «Сам образ Петрограда — Ленинграда, для меня драгоценный, стал бы беднее в моем воображении. От Вас идут нити тончайшие к Александру Блоку, к роковому веку «Мечтателей», ко дням трагического перелома и к первому младенческому вскрику новорожденной русской литературы. Вы были умным товарищем и внимательным няней советских писателей той ранней ленинградской поры».

Портрет А. Блока с дарственной надписью С. М. Алянскому.

Примечательным изданием «Алконоста» был альманах «Записки мечтателей», о котором упоминает К. Федин. Организация альманаха побудила Алянского направить Блоку письмо, достоверно передающее атмосферу эпохи «мечтателей» (полностью публикуется впервые):

«Петербург, 19 февраля 1919 г.
Дорогой Александр Александрович.

Необходимость лично договориться заставляет меня писать Вам. Я совсем не уверен, что мне удастся что-либо выяснить, несмотря на мои намерения. К сожалению, несмотря на все старания мои установить физиономию «Записок мечтателей», какой я ее вижу, не удалось мне.

Первоначальная мысль: интимный круг лиц, интимная тема, останется, вероятно, мыслью, так как журнал не будет жизненным, не будет иметь материала, а если и будет иметь, то журнал придется переименовать в «Записки мечтателя А. Белого», или «Дневник писателя А. Белого», так как ни Вы, ни кто другой в такой журнал по разным причинам ничего не даст.

Наши дни не укладываются ни в какие рамки; они совмещают в себе бесчисленное количество противоречий. Бесчисленные дороги открыты. Идите куда хотите, только идите. Думается мне только, что не следует заранее определять дорогу, так как это будет так же гадательно и так же неверно, как все в наши дни. Мне кажется, что физиономия журнала должна складываться самой жизнью. В зависимости от того, как будут «Мечтатели» воспринимать то или иное явление жизни, будет определяться и путь журнала.

История и будущее поколение будет искать по разным документам, что и как переживали в эти дни люди с острейшим восприятием, люди, одаренные талантом передачи этих восприятий? «Двенадцатью» Вы уже сказали, но Вы могли бы сказать в тысяче различных «Двенадцати» и каждое из них было бы бесконечно дорого, так как газетные фактики, статеечки и фельетончики жизнь сотрет, а художественные произведения — никогда. Преступление, когда Вы, художники, призванные украшать жизнь, молчите. Оттого, что не будете заседать в той или иной коллегии или комиссии, вряд ли что изменится. Можно сказать больше. Ваше присутствие в таких заседаниях вредно, так как Вы путаники в жизни и все Ваши слова — украшения в повседневщине лишни и даже мешают.

Все, что Вы сделали бы в 5 минут один, несоизмеримо ценнее того, что Вы сделаете в течение 5 часов в коллегии, состоящей из таких же гениальных и талантливых людей, как Вы. Для меня это ясно, как ясно и то, что никакими убеждениями Вас не склонить писать тогда, когда у Вас самого этой потребности писать нет. И не в этом вовсе моя цель. Мне хочется только сказать, что «Записки мечтателей» потому и называются «Дневниками писателей», что писатель на этих страницах записывает то, что привлекает его внимание. Почему впечатление от театра или от книги менее ценно, чем впечатление от боя или бури? Почему впечатление уличной встречи менее ценно впечатлений растительной природы? Наконец, почему художники слова, красок и звуков должны заниматься тем, как бы лучше организовать то или иное «Учреждение», рассуждать о том, какой театр нужен народу, какой текст и какие примечания должны быть обнародованы. Все эти занятия и рассуждения никому не нужны, а если и нужны, то пусть ими занимаются крепко... академики, или профессора, которые для того и существуют. Творцы же должны творить, а не рассуждать.

Революция все перепутала. Голод прибирает всех к рукам, и очень трудно с ним бороться, но ведь бороться придется все равно, будь то в «коллегии», на улице или в кабинете.

«Записки мечтателей» допускают на своих страницах все; что от «мечтателей» — вот физиономия (полагается, что мечтатель — художник). Только тогда существование «Записок мечтателей» и будет оправдано, когда художники займутся своим делом.

Прочел это письмо и удивился, что оно, пожалуй, ничего не разъясняет, и вовсе не определяет того, что хотел сказать. А будь я художник, употребил бы, наверное, меньше слов и больше сказал бы.

Мне хотелось бы, чтобы результатом этого письма был Ваш, какой угодно, ответ, который послужил бы материалом для «Записок мечтателей».

Искренне преданный и любящий Вас

С. Алянский».

На страницах редчайших теперь «Записок мечтателей» публиковались произведения А. Блока, А. Белого, А. Ахматовой, Вяч. Иванова, М. Шагинян, К. Чуковского... А последний, шестой номер журнала был целиком посвящен памяти Александра Блока, бывшего вместе с С. М. Алянским душой «Алконоста» и «Записок мечтателей».

В. ЕНИШЕРЛОВ

Ведуну русского слога

Николай Рерих и Сергей Городецкий. Два этих имени по праву стоят рядом в русской культуре начала XX века. Серьезный интерес к истории, фольклору, переломившийся в своеобразных произведениях художника и поэта, позволяет говорить о них как о ярких представителях художественного течения, опирающегося на национальные традиции.

Примечательно, что обложку и концовку к первой, самой знаменитой книге С. Городецкого «Ярь» делал Н. Рерих. А во втором сборнике Городецкого, «Перун», Николаю Константиновичу посвящено стихотворение «Проводы», насыщенное славянской языческой образностью:

Порок, позор —
Жена в ладье.
Перунов взор —
Жена в ладье.

Скорее, жрец,
Зажги костер!
Кричит птенец,
Кремень остер.

В ЦГАЛИ СССР сохранились некоторые материалы об их взаимоотношениях, совместной работе. Так, например, в письме к литератору А. А. Измайлову поэт сообщает, что обложку и концовку к первому тому его собрания стихов также выполнил Н. Рерих. В этом томе Рериху посвящено одно из лучших стихотворений — «Славят Ярилу». Объединяла художника и поэта и забота о сохранении исторического наследия. Не случайно именно Городецкий и Рерих вместе с композитором А. К. Лядовым опубликовали в мае 1912 года в газете «Биржевые ведомости» статью под названием «Опомнитесь!» — о пагубной практике переименования старых исторических названий. К сожалению, призыв представителей передовой русской интеллигенции остался гласом вопиющих в пустыне, и царская администрация, не обращая никакого внимания на общественные протесты, продолжала переименовывать города, улицы и т. п.

Литературные очерки и статьи Н. К. Рериха о русской старине впервые были собраны воедино в первом томе его Собрания сочинений (изд-во И. Д. Сытина). Эту книгу автор подарил Городецкому с выразительной надписью:

«Дорогому моему Сергею Митрофановичу Городецкому, автору особенно для меня близких песней; ведуну русского слога; чуткому художнику и сердечному человеку с чувством доброжелательства и душевной преданности. Н. Рерих. 20 ноября 1913».

Тогда же, внимательно читая книгу, С. М. Городецкий подчеркнул такие строки в очерке «По старине» (1903 год): «Ведь стыд сказать: местная администрация, местные власти часто понятия не имеют об окружающей их старине. Не с гордостью укажут они на памятники, близ которых их бросила судьба и которыми они могут наслаждаться; нет, они... будут стараться скорее отделаться от скучных расспросов о вещах, их пониманию недоступных, и карты и сплетни куда важнее для них всей старины вместе взятой. Откуда же тут возьмется здоровая почва? Откуда сюда придет самосознание? И мы готовы заговорить хоть поафрикански, лишь бы не подумал кто, что свое нам дороже чужого... В жизни нашей многое сбилось, спутались многие основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятиями. И старина, правильно понятая, может быть доброй почвой, не только научной и художественной, но и оплотом жизни в ее ближайших шагах».

Сейчас, думая о долгом творческом пути, который прошли Н. К. Рерих и С. М. Городецкий, нельзя не отметить, что их общим девизом могла бы стать мысль, точно сформулированная Рерихом в статье «Подземная Русь»: «Не знающий прошлого не может думать о будущем».

В. АЛЕКСАНДРОВ

Дарственная надпись Н. Рериха (публикуется впервые).

бережливость: и такой аспект

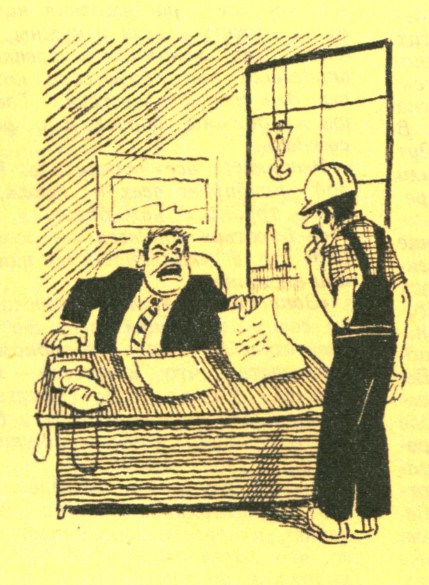
Анатолий РАС

ВСЕ-ТАКИ НАДО

Директор нажал кнопку селектора:

— Семиверстова ко мне, из прокатного, срочно!

Не прошло и пяти минут, как Семиверстов появился на пороге директорского кабинета.

— Ты что наделал?! — набросился на него директор прямо с порога.

— Что? Где? Когда? — не понял Семиверстов.

— Ни что, ни где и ни когда, а сколько? Сколько металла ты сэкономил со своей бригадой в этом месяце?

— Вдвое больше обычного. Мы тут придумали...

— Прежде чем что-то придумывать, надо думать об интересах завода! Надо согласовывать свои думы.

— Мы думали...

— Неверно! Разве вы подумали о том, что с вашей суперэкономией нам теперь могут сократить на будущий год поставки?

— Так что же, не экономить?

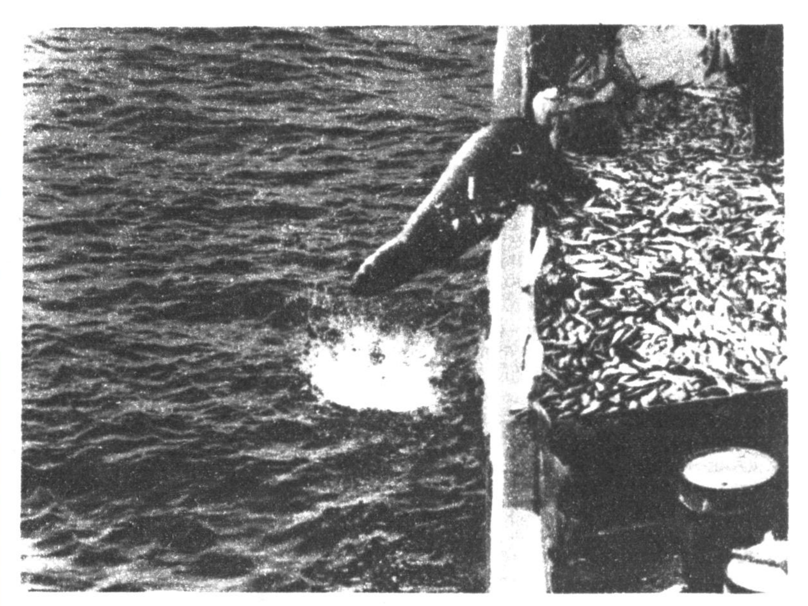
— Экономить надо... Экономно, то есть, не очень. А то ведь прямо страшно сводку с вашими данными наверх давать. Прямо не знаю, куда теперь ваш сэкономленный металл девать. А ты, Семиверстов, знаешь?

— Нет. Мы как-то не подумали...

— Вот то-то и оно. Ладно, иди и не повторяй ошибок прошлого месяца... Стой! Идея! Мы, Семиверстов, вот что, твой сэкономленный металл пустим на металлолом! У нас по металлолому недопоставка. Могут премии лишить. Так что первоначальное свое распоряжение отменяю. Экономь, Семиверстов, по-прежнему. Сколько можешь, изо всех сил! Чтоб у нас был металлолом со Знаком качества! И хоть отбавляй!

Надежно, выгодно, удобно.

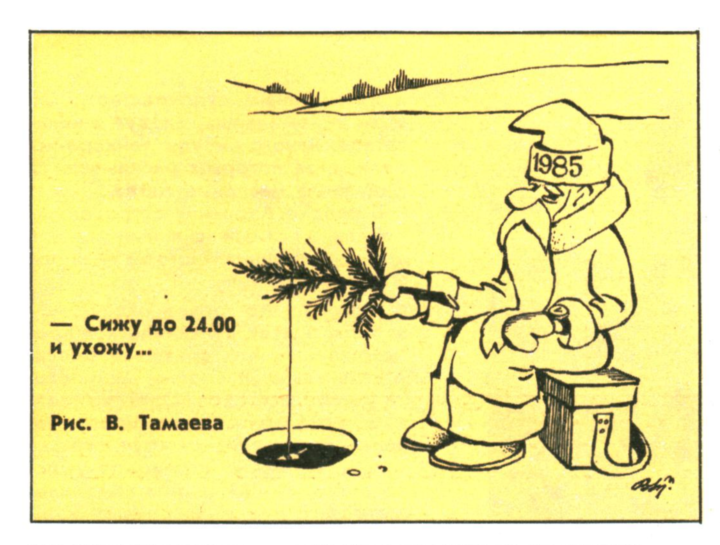
Хорошего понемногу...

Ого! Рис. В. Воеводина

Сегодня и завтра.

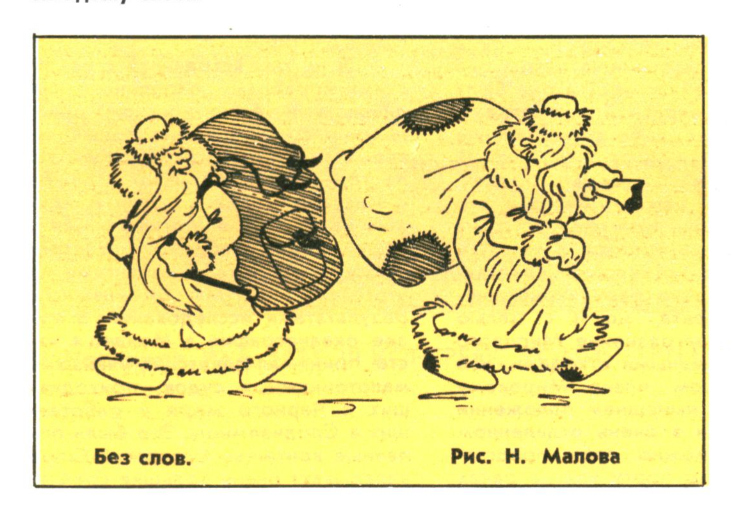

— Сижу до 24.00 и ухожу...

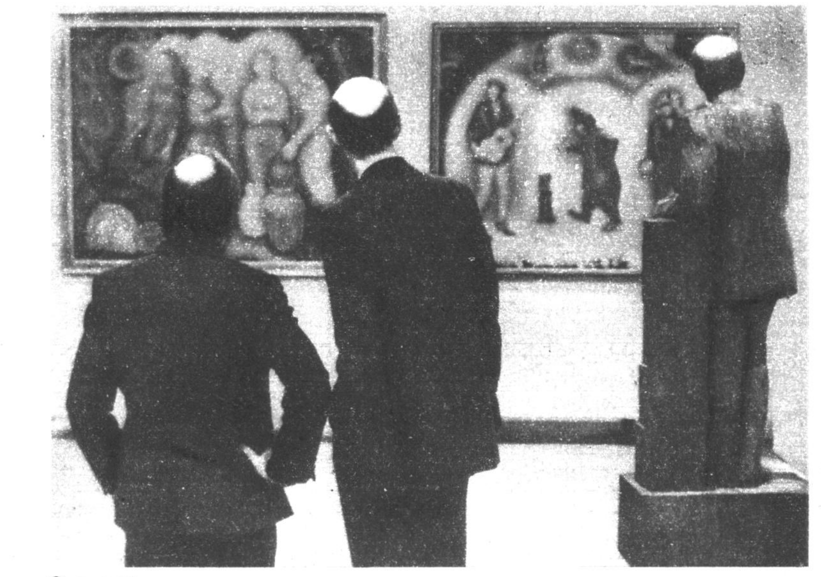
Рис. В. Тамаева

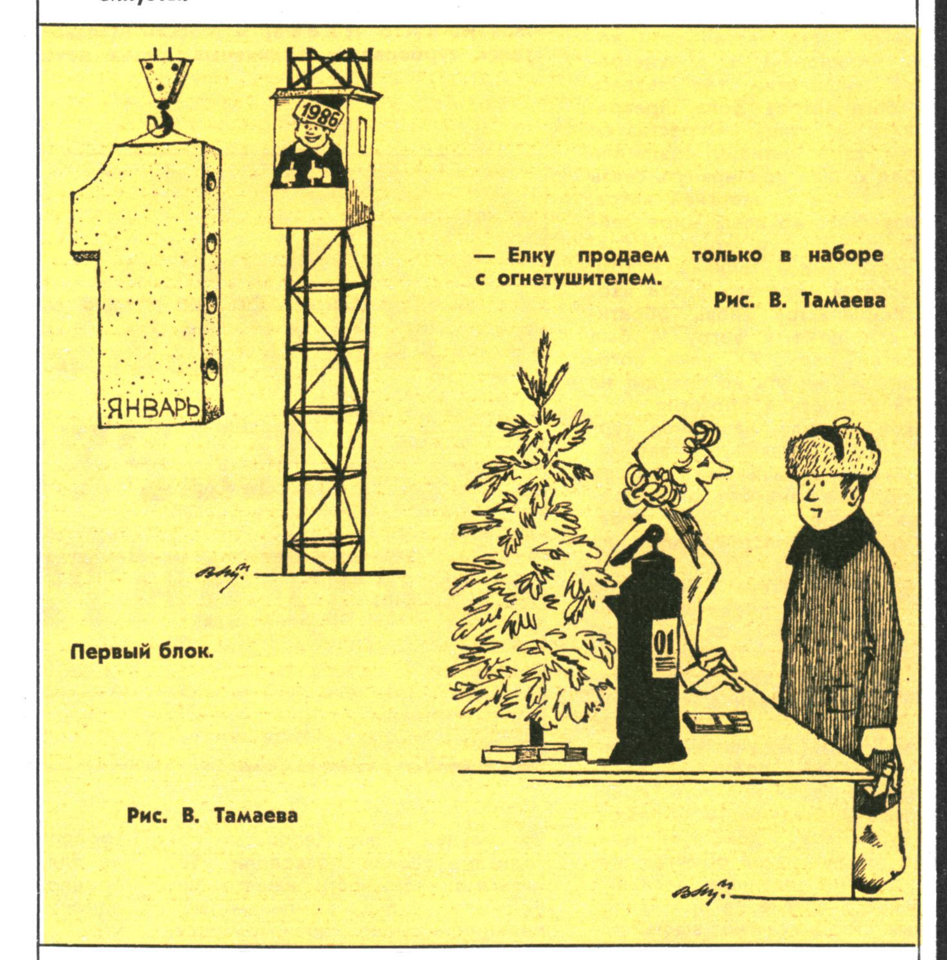
Каждому свое...

Без слов. Рис. Н. Малова

Силуэты.

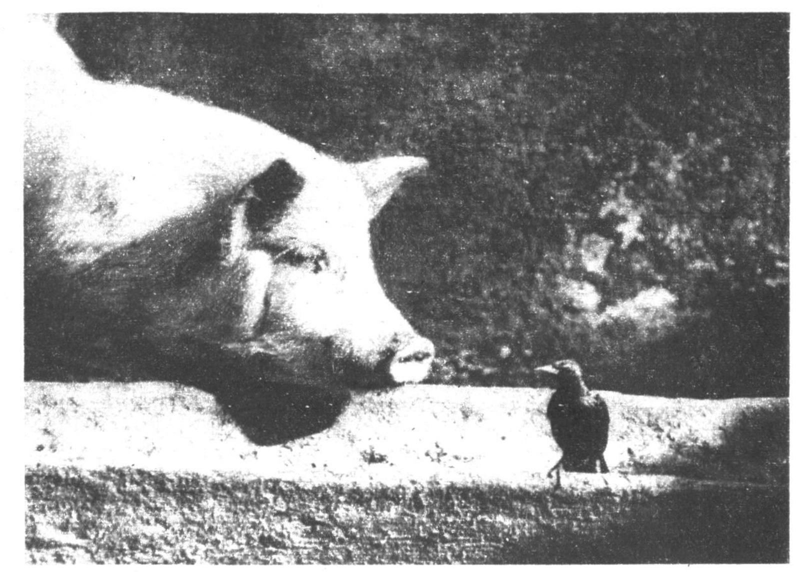

Первый блок.

Рис. В. Тамаева

— Елку продаем только в наборе с огнетушителем.

Рис. В. Тамаева

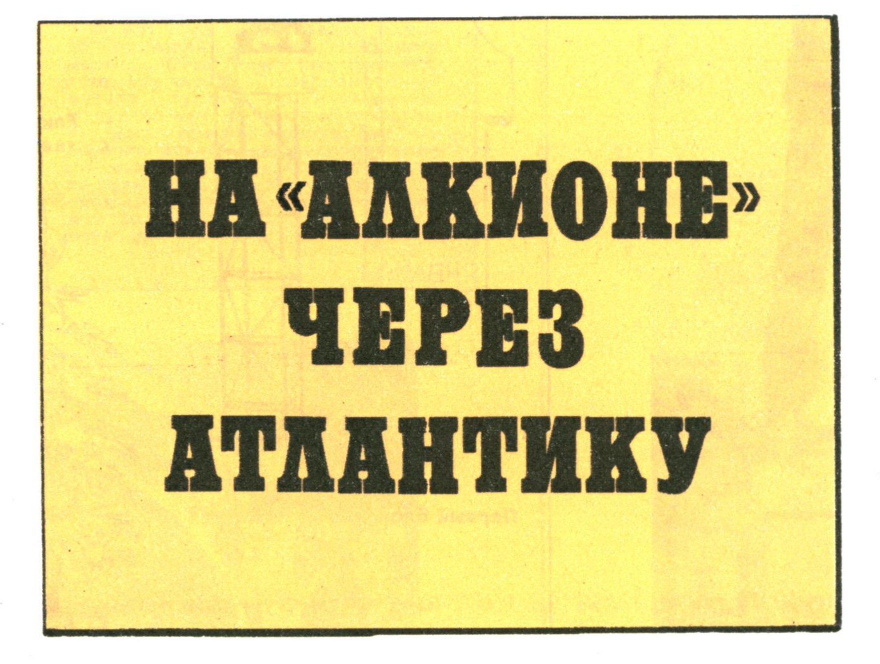

Эй, ты, здравствуй!

Владимир КРИВОШЕЕВ

Жак Ив Кусто (с л е в а) и Люсьен Малавар, один из изобретателей турбопаруса «Алкионы», перед началом плавания.

НА «АЛКИОНЕ» ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

В прошедшем году легендарному капитану и ученому Жаку Иву Кусто исполнилось 75 лет. Он решил отпраздновать юбилей в океане в ходе своей очередной экспедиции на борту нового экспериментального судна «Алкиона». И вы можете представить себе мою радость, когда мне сообщили, что по приглашению самого юбиляра я могу принять участие в экспедиции!

Почему Кусто назвал свой корабль «Алкиона»? В древнегреческой мифологии так звалась дочь бога ветров Эола, превратившаяся в птицу. Окрестив ее именем свое детище, создатели корабля хотели подчеркнуть связь нового судна с энергией ветра. Как известно, во всем мире сейчас ведутся поиски экономии традиционных видов топлива. В том, что касается морского флота, взоры специалистов вновь обратились к попутному ветру. И был изобретен парус XX века, который внешне ничуть не походит на свой классический прототип.

Новое ветрило, названное турбопарусом, управляется автоматически и в отличие от парусов прошлого не занимает много места на палубе; его можно сравнить скорее с толстой мачтой или трубой.

Сейчас существует несколько «турбопарусных» проектов, в том числе советский. Французский ученый профессор Люсьен Малавар предложил свой вариант, который и реализован в конструкции «Алкионы». Один из создателей турбопарусов, участник экспедиции инженер-аэродинамик Бертнар Шарье, объяснил мне принцип работы следующим образом:

— Турбопарус действует примерно так же, как и обычный парус: за счет разницы давления воздушного потока на противоположных сторонах,— но эффективность турбопаруса выше благодаря вентилятору, всасывающему воздух. Турбопарус создает разность давления в три-четыре раза большую, чем обычный. Соответственно во столько же раз он и эффективнее. То есть для поддержания определенной скорости площадь турбопарусов может быть в три-четыре раза меньше, чем у обычных.

Однако при всех достоинствах турбопарусов им также необходим благоприятный по силе и направлению ветер. Так что выражение «Попутного ветра!», похоже, вновь приобретает широкое распространение в своем первозданном смысле.

С попутным ветром нам долгое время не везло, и это немало огорчало Кусто, поскольку одной из главных целей экспедиции была отработка системы смешанной тяги: дизель — турбопарус.

На первом этапе пути, до Азорских островов, «Алкиону» почти неизменно сопровождала довольно сильная качка. Непростые погодные условия позволили убедиться в надежности нашего небольшого судна, а членам экспедиции — лучше познакомиться, найти общий язык, стать экипажем.

Лишь с приближением к Азорским островам погода понемногу наладилась, и на борту «Алкионы» окончательно воцарился благоприятный психологический микроклимат. По выражению Кусто, «сложился хороший рабочий коллектив». Коллектив этот состоял из 12 человек. Ученые, инженеры, журналисты — все они одновременно были и матросами, поскольку без исключения (в том числе и я, чем очень горжусь!) несли на судне вахту, выполняли обычную на кораблях работу.

Я пользовался каждым удобным случаем, чтобы побеседовать с Жаком Ивом Кусто. Однажды он поведал мне об основных «философских точках» своей работы. Главная из них — всеми возможными средствами способствовать устранению угрозы ядерной войны.

— Мне представляются смешными,— развивал свою мысль Кусто,— усилия по сохранению многообразных форм жизни на Земле для будущих поколений, если, предположим, завтра начнется ядерная война. Устранение этой угрозы — вот важнейшая сейчас задача, для выполнения которой вначале должно быть достигнуто согласие между народами. Мы по мере своих сил тоже работаем в этом направлении. Если будет достигнуто это международное согласие, то все остальное приложится. Мы должны передать будущим поколениям нашу планету в таком же состоянии, в каком она находится сейчас, чтобы она была такой же прекрасной, как сегодня.

Участие в борьбе за устранение угрозы ядерной войны ученый считает одной из основных задач. Разумеется, важное место в его деятельности занимает охрана окружающей среды. Кстати, и турбопаруса «Алкионы» создавались не только ради экономического эффекта, но и с целью уменьшить загрязнение Мирового океана топливными отходами. Что грозит в этом плане Мировому океану при нынешнем положении дел, пусть и в очень отдаленном будущем, можно себе представить в любом порту или на реках с интенсивным судоходством. Об этом вспоминаешь, следуя в кильватере какого-нибудь танкера-исполина, за которым расплываются радужные масляные пятна...

В районе Азорских островов мы попали в самый сильный за все время плавания шторм — около 8 баллов.

Азоры — это горы в океане. Архипелаг имеет вулканическое происхождение, что сразу же бросается в глаза. В составе архипелага девять островов. Одна из главных естественных достопримечательностей самого крупного из них — гигантский кратер потухшего вулкана — 40 квадратных километров. Его дно заполняют воды двух сообщающихся озер — Синего и Зеленого. Согласно легенде, вулкан, образовавший этот кратер, некогда поглотил один из семи городов Атлантиды.

Разумеется, наших океанографов на корабле прежде всего заинтересовали озера. Мастер подводных съемок Луи Презле, Дик Морфи и ныряльщик Бертран Сион пригласили меня принять участие в поездке на эти озера. Под впечатлением услышанной легенды я пребывал в романтическом настроении. А вдруг... Но никаких следов погибшего города на дне озер не оказалось...

Оставив за кормой острова архипелага, «Алкиона» вышла в открытый океан и взяла курс на Бермудские острова. Нам предстоял самый длительный в нашем путешествии переход через центральные районы Атлантического океана.

Вопреки моим ожиданиям, что центр Атлантики встретит нас бурями, нам неизменно сопутствовала прекрасная погода. Почти каждый день — полный штиль. Это радовало всех за исключением Кусто: при штиле невозможно проводить испытания турбопарусов. Кусто сокрушенно вздыхал. Просыпался ночью, поднимался в рубку и с надеждой поглядывал на приборы. Но ветра, увы, не было.

Вблизи Саргассова моря мы встретили первый корабль. Им оказалось советское грузо-пассажирское судно «Черняховский». Связались по радио. Поначалу на борту «Черняховского» были удивлены, услышав с «Алкионы» русскую речь, поскольку именно меня попросили провести переговоры. Обменявшись приветствиями и новостями из разных полушарий Земли, мы пожелали друг другу доброго пути, а капитан «Черняховского», которого познакомили с конструкцией «Алкионы», прибавил к своим пожеланиям: «Попутного ветра!»

— Я не раз встречался с советскими кораблями, особенно в Индийском и Атлантическом океанах,— рассказывал мне позже, во время нашего отдыха, Жак Ив Кусто.— Меня связывает дружба с Институтом океанологии Академии наук СССР в Москве. Бывая в вашей стране, я обязательно встречаюсь с советскими коллегами из этого института. Мы обмениваемся результатами исследований. В музее океанографии в Монако я часто принимал советских ученых с малотоннажных судов, приходивших с Черного моря и работавших в Средиземном. Это были полезные контакты. Советский Союз вкладывает очень большие средст-

Л. Котляров. Род. 1925. III КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА. 1984. Выставка произведений московских художников, посвященная XXVII съезду КПСС.

В. Шевчук. Род. 1958. В. И. ЛЕНИН В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ. 1983.

Художественная выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

ва в изучение и охрану Мирового океана.

В беседах Жак Ив Кусто не раз говорил о своем стремлении развивать сотрудничество с советскими коллегами, проводить с ними совместные экспедиции...

Кусто задумчиво посмотрел куда-то в даль океана, а затем перевел взгляд на турбопаруса.

— Сейчас нас заботит экономия горючего и охрана океана, отработка смешанной тяги с использованием ветра и мотора.

Но ветра, необходимого для экспериментов с турбопарусами, по-прежнему не было. Между тем приближались к Бермудским островам, к «Бермудскому треугольнику», где «Алкиону» ждал главный экзамен, отнюдь не связанный с легендами об этом «треугольнике». Просто именно здесь, по прогнозам, нас должен был сопровождать крепкий попутный ветер, необходимый для эффективной работы турбопарусов.

Я спросил Кусто, что он думает по поводу «чудес» в этом районе Атлантики.

— Они от начала до конца выдуманы авторами книг и статей с целью заработать деньги,— решительно ответил ученый.— Повседневная жизнь зачастую представляется людям монотонной, и им нужны мечты о чем-то чрезвычайном, загадочном, необъяснимом. В действительности же в «Бермудском треугольнике» не происходит ничего сверхъестественного. Да, здесь довольно сложные условия навигации. Однако тут гораздо меньше кораблекрушений, чем, скажем, в «треугольнике», находящемся в проливе Ла-Манш между Англией и Францией.

Действительно, ничего загадочного или сверхъестественного за четверо суток, проведенных в «Бермудском треугольнике», мне не довелось ни увидеть, ни почувствовать, хотя, по совести говоря, я все время был начеку. И все же кое-что весьма любопытное произошло. На второй день мы встретили большое стадо двадцатитонных китов. Они величественно паслись на огромном пространстве. Каково же было наше удивление, когда мы заметили, что китов сопровождают около сотни дельфинов, которые, другого слова не подберешь, играли с морскими исполинами. Покружив вместе с дельфинами вокруг китов и вдоволь насмотревшись на них, мы легли на прежний курс и, подгоняемые попутным ветром, под победное гудение турбопарусов, которые наконец заработали в полную силу, благополучно добрались до Нью-Йорка. Оттуда я самолетом должен был вернуться в Москву.

Прощаясь, я попросил Жака Ива Кусто подвести итоги этой части кругосветного путешествия, рассчитанного на два года.

— В техническом плане достигнуты весьма положительные результаты,— сказал наш капитан.— При благоприятном ветре в двадцать — двадцать девять узлов мы экономили шестьдесят два — шестьдесят пять процентов горючего. Это весьма существенно.

Несмотря на то, что судно наше маленькое, оно было весьма надежным и хорошим местом для работы, в том числе и научной,— продолжил Жак Ив Кусто.— По окончании путешествия мы сможем использовать его для дополнительных исследований. А в человеческом плане... Я думаю, что все мы дружно жили своеобразным международным сообществом, работающим ради мира и науки.

Всесильный трикотаж

В. МОРОЗОВА

Сегодня трудно представить гардероб современной женщины без трикотажа. Он широко используется не только в бельевых изделиях, туго облегающих, словно вторая кожа, тело человека, но в любых других предметах женского гардероба: платьях, блузках, струящихся, ниспадающих складками нарядных платьях и даже в верхней одежде: пальто, шапочках, шарфах, перчатках — словом, всесильный трикотаж может одеть нас «от» и «до».

А начиналось все с чулок. Раньше они вырезались из обычной ткани и сшивались по форме ноги, что при малейшей ошибке «грозило» морщинами на чулках. Первыми, кто ощутил это неудобство и подумал о том, как это исправить, были мужчины. Изобретение ручного вязания история приписывает англичанину Вильяму Ридеру. Произошло это в 1564 году. А первый вязальный станок был изготовлен англичанином Вильямом Ли в 1569 году. Первыми «манекенщиками» новинки были тоже мужчины. Известно, что французский король Генрих II появился в шелковых чулках на свадьбе своей сестры Маргариты.

Настоящее развитие вязальной промышленности началось все-таки на родине законодателей мод — во Франции. Англичане долго держали секрет производства вязаных чулок в тайне и даже не позволяли вывоз их за границу. Но французский механик Жан Гендре выведал секреты механизма английских станков и основал в Париже, в Мадридском замке Булонского леса, фабрику. Начавшись как чисто мужское ремесло, вязание быстро было подхвачено женщинами. Вот тут и начался его «золотой век».

Переменчивая мода из столетия в столетие меняла свои пристрастия, но трикотажу всегда в ней находилось место. Трикотаж практичен, удобен в носке, он и в будни, и в праздники радует разнообразием, возможностью использования в самой разной одежде, высокими художественно-эстетическими достоинствами....

Старая московская улица Сретенка. В одном из ее переулков небольшое здание Всесоюзного Дома моделей трикотажных изделий — ведущей моделирующей организации и одновременно методического центра для всей трикотажной индустрии страны, координирующей работу 400 промышленных предприятий. Существует он более двадцати пяти лет.

— Мы разрабатываем и создаем новые направления развития ассортимента и моды с учетом возрастных групп, назначения той или иной одежды, сезонности,— рассказывает главный художник Дома моделей трикотажных изделий Владимир Андреевич Елкин.— Моделируем мы заранее, с заглядом в будущее не меньше чем на полтора года, чтобы идеи наших модельеров промышленность успела воплотить в жизнь. Трикотажников отличает от швейников прежде всего то, что решающую роль в создании новой модели играет не только форма, цвет, но и структура, рисунок, качество полотна.

После утверждения базовой коллекции моделей эстетической комиссией по вопросам моды и культуры одежды научно-технического совета Минлегпрома СССР все новинки расписываются промышленным предприятиям для освоения. Выпуск сначала идет малыми сериями по договорным ценам с торгующими организациями.

Первыми ценителями новой коллекции становятся покупатели фирменных магазинов, разбросанных по всей стране. Москвичи, к примеру, знают и любят магазин «Модный трикотаж».

— Мнение потребителя, торгующих организаций очень важно для нас,— подчеркивает Владимир Андреевич.— Мода 1986 года рассчитана на активное соавторство потребителя, она требует огромного разнообразия ассортимента, форм, решений, высокого качества. Очень важна комплектность в одежде, позволяющая при массовом производстве варьировать разные детали наряда.

Развитие классического стиля мы представляем в изделиях умеренного объема, преимущественно прямого силуэта. Отделка платьев, костюмов, жилетов кантами, тесьмой, вышивкой, аппликацией вносит в этот ассортимент одежды элементы новизны.

Романтический стиль развивается сейчас в двух направлениях. Первое навеяно историческим костюмом, второе подчеркивает лирический образ женщины, ее природную женственность, мягкость, поэтичность. Основной силуэт — приталенный. Акцент сосредоточен на объемных рукавах, декоративно оформленных воротниках, пластронах и талии. В отделке используются ленты, канты, шитье, вышивки, воланы, рюши, оборки.

В спортивном, самом популярном стиле главенствует геометрический рисунок, асимметрия, свободные формы. Аппликации, печать, эмблемы—это для молодых.

Царицей нашей коллекции, как всегда, выступает одежда в фольклорном стиле. Много в ней современных моделей, навеянных темами народного искусства. Вышивки на нарядных платьях по характеру, манере исполнения очень напоминают изделия старинных народных промыслов — золотокачества, кружевоплетения.

И конечно, нельзя не сказать о том,— говорит В. А. Елкин,— что волнует и нас, и потребителя. Это вопрос качества трикотажных изделий, которые покупатель видит непосредственно на прилавках магазинов. Несмотря на то, что по итогам межреспубликанской оптовой ярмарки в Москве весь трикотаж на 1986 год распродан, а процент уценки наших изделий намного ниже, чем некоторых швейных, к сожалению, многие вещи далеки от того идеального образа, который создается художником-модельером. И причин тому много: плохие красители, неточность исполнения модели, устарелая технология обработки изделий, что особенно важно в трикотаже, отсутствие фурнитуры, аксессуаров, делающих вещь законченной, и т. д. Разрыв этот существует давно, но ликвидировать его никак не удается. Мы, модельеры, ждем, когда же, наконец, предприятия трикотажной промышленности получат возможность и сами приложат соответствующие усилия, чтобы отечественный трикотаж стал притягательным для всех покупателей.

ЧАСЫ СЕМЕЙНЫЕ

Вот открывается дверь, и вы входите в дом к незнакомым людям. Кем они станут для вас — случайными ли знакомыми, о которых забудешь, распрощавшись, или друзьями, которых захочется увидеть вновь? Обычно уже на пороге можно это ощутить.

Если говорить о семье Галины Алексеевны и Михаила Владимировича Степаненко, то уже в прихожей вы чувствуете, что попали к добрым людям. Оба такие молодые, с открытыми лицами, такие приветливые и располагающие к себе — сказываются традиции семьи, идущие от дедов, родителей.

Сколько раз за те почти тридцать лет, что проработала мать Галины, Валентина Ильинична Чурбакова, на Втором часовом заводе, к ней приходили за советом, помощью. Приходили просто поделиться с надежным человеком, который не посмеется и не предаст, приходили ее подруги и подчиненные. Почти двадцать лет она — мастер в механическом цехе. А на участке ни много ни мало — шестьдесят человек. Шестьдесят судеб, шестьдесят характеров. И всех она видела, понимала, любила...

В этом же цехе начинала Галина, до института работала и старшая сестра ее, Наталья. Сейчас Галина — сборщица высокой квалификации в цехе кварцевых часов. Здесь же почти десять лет трудится инженер-конструктор Михаил Владимирович Степаненко — начальник конструкторского бюро. В станкостроительном цехе работает мастер высшей квалификации, расточник Алексей Ефимович Чурбаков, глава семьи.

В общем, вся семья, несколько поколений — на «Славе». Собственно, семья Степаненко — это не совсем обычная семья. Скорее это Дом. В хорошем, давнем смысле слова. Здесь и живут дружно, и работают вместе, и домашние заботы решают сообща. Правда, Наталья со своей семьей — мужем и двумя детьми — живет отдельно. Но они все равно вместе. Вместе, потому что думают друг о друге, часто встречаются, потому что отдыхают на даче, которую строили и оборудовали сообща. Начинали еще Алексей Ефимович с Валентиной Ильиничной. Был участочек, на нем сарайчик. Посадили яблони, цветы, соорудили душ... Пришло время, и дедушка смастерил совершенно необыкновенную песочницу для внуков.

А может быть, и квартира их кажется еще более уютной и теплой потому, что многое из мебели сделал своими руками Алексей Ефимович? И почти каждый вечер он играет на баяне. Научился играть, будучи уже взрослым человеком,— тогда они только поженились с Валентиной Ильиничной. И на общественном поприще успехи — шесть раз избирался депутатом Фрунзенского районного Совета, награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, грамотами.

Младший внук, Павлик, которому сейчас всего два с половиной года, наверное, в дедушку пошел. Самые любимые игрушки — молоток, гвозди, дрель. Мама шутит: на даче не осталось ни одной щелочки, в которую он не набил бы гвоздей.

А у второго из малышей, Илюши, заговор с папой. Мальчик уже большой — во втором классе,— и увлечения у него взрослые: марки и диафильмы. Отец иногда покупает их сыну, не показывая никому: могут ведь быть у них и свои, мужские дела! А еще Илья очень дружит со своим двоюродным братишкой Алешей, старшим сыном Натальи Алексеевны. Они ровесники. Вернее, если уж быть до конца точным, Илья старше на целых четыре дня. И все четверо братьев, родные и двоюродные, дружат между собой, хотя и делят себя на «взрослых» и «малышню»; дружат потому, что перед глазами прекрасный пример родительских взаимоотношений. И все дружно любят бабушку, которая специально ушла на пенсию ради внуков. И не отпускали ее с работы, и до сих пор звонят, просят вернуться. Да и на бабушку она не очень-то похожа. Моложавая, статная, с привлекательной улыбкой. Но вот здоровье детишек, которым еще целую жизнь жить, оказалось важнее многих расчетов и соображений.

Частенько знакомые завидуют: «И как это вам удается так дружно, со вкусом жить?» Валентина Ильинична смеется: «Нет у нас никакого секрета. Живем просто, по-рабочему». И, как в любой семье, всякое бывает в семье Степаненко. Но только выше мелких неурядиц, выше такого обычного в наше время желания «иметь свои кастрюльки» ставят они радость живого и теплого общения друг с другом, с самыми в общем-то близкими людьми. Потому-то и живут они завидно, и работают ударно, что всегда есть для каждого поддержка, сочувствие и подмога всего их большого и дружного Дома.

Вот и сейчас они собрались у елки. Радуются празднику, звенящему снежинками и стрелками сделанных ими часов. Радуются и тому, что их часы с праздничным названием «Слава» сейчас показывают тысячам советских людей: пришел Новый год!

С праздником вас, дорогой Дом Степаненко!

И. ТОЛКАЧЕВА

«ШЛЯГЕР» ПРОТИВ ШЛЯГЕРА

Современного зрителя настолько трудно чем-либо удивить, что он, пожалуй, скептически ухмыльнется, прочитав на афише: «Музыкально-пародийный спектакль». Настолько «плотно» пародия вошла в наш культурный обиход, что даже стала ощущаться тревога, стоит ли уж так злоупотреблять этим жанром. Ведь когда пародия становится самоцелью, она ниспровергает, «передергивает» действительно высокие образцы художественного творчества...

Но спектакль Центрального театра кукол под руководством С. В. Образцова «Шлягер, шлягер, только шлягер...» как раз относится к тем развлечениям, которые весьма поучительны.

Многие наверняка помнят первопроходца пародийного жанра в кукольном театре — всемирно известный «Необыкновенный концерт». Но в том и отличие «Шлягера» от «Концерта», что он не только демонстрирует образчики эстрадной пошлости и халтуры, а раскрывает механику «шлягерного мышления», его истоки. Прежде чем рассказать о спектакле, хотелось бы напомнить читателю, что само слово «шлягер» означает не только «песню-бабочку», однодневку. Это понятие бытовало еще среди австрийских купцов в конце прошлого века и обозначало «ходовой товар», продукцию, пользующуюся наибольшим спросом.

Сюжет, предложенный драматургом Аркадием Хайтом, известен с давних времен: художник запродал душу черту. Но авторы спектакля решили на этой основе неожиданные задачи.

В одном образе, в одной пародии спектакля подчас соединяется такое множество явлений, и смешных и грустных, что определить, в кого конкретно направлены сатирические стрелы, трудно, хотя, признаться, «на орехи» досталось многим. Мне кажется, что и актеры не стремились устраивать очные ставки тем, кого пародировали. Важно было подметить явление, тенденцию, убийственную силу шлягера, которая и большой талант способна погубить...

Вдохновение и творческое горение гораздо чаще посещают композитора Федора Бесфамильного, чем денежные переводы с гонорарами. И когда уж совсем отчаялся Федор в том, что его талант будет кем-то признан, он «продается» ЧОРТу (Члену Общества Растущих Талантов) по фамилии Хвостов-Копытов. И оказывается, что золотой ключик к хрустальному ларцу покоится на трех нотах сногсшибательного шлягера «всех времен и народов», который прилипчив, как банный лист. А остальное — дело техники. Хвостов-Копытов предлагает Бесфамильному незатейливую сделку. А в качестве верного подспорья знакомит с гением шлягеров поэтом-текстовичком Гаврилом Недержавиным.

И вот уже готова песенка, которую тут же включает в репертуар ВИА «Дородные молодцы». Лиха беда — начало. Восходящей звезде эстрады — Орфею Хрипунову для выступления на фестивале в Сан-Будузане предназначается шлягер о природе, а по личной просьбе этого «лауреата конкурса в Кисловодске» — и о маме, которую обирают как липку и соки из которой пьют, как в березовой роще...

Многое узнаваемо. Не только в конкретных лицах, объектах пародии, а в явлениях, с которыми мы сталкиваемся на эстрадных концертах и в передачах телевидения, спектаклях и фильмах, в произведениях, которые «культивируют» адаптированное, облегченное искусство. Тут сам черт не страшен, что уж говорить о классиках, которых так приспособили к эстраде, что скоро в школе «Преступление и наказание» будут проходить даже не по экранизации, а по одноименному мю-

уголок филателиста

ИСТОРИЯ «ЗОЛОТОЙ МАРКИ ГДР»

«Золотая марка ГДР» — это звание присвоено блоку почтовых марок, посвященных пушкинской «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях». К такому решению пришло жюри, обобщив отзывы более сорока тысяч филателистов из двадцати двух стран: Бразилии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Италии, Канады, Норвегии, СССР, ЧССР, Японии и других.

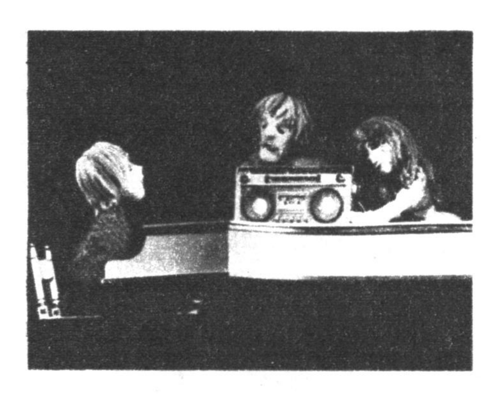
Вот история появления блока. Наша школа носит имя Пушкина. Ребята, увлекающиеся филателией, подготовили коллекцию «Вечный Пушкин», которая экспонировалась на многих выставках и была отмечена медалями, дипломами, призами.

Все дети нашей школы с первого класса изучают немецкий язык. Поэтому понятен интерес ко всему, что связано с ГДР. У юных филателистов возник вопрос: издавались ли в ГДР «пушкинские» марки? Оказалось, что нет. И тогда школьники обратились к министру связи ГДР с просьбой выпустить почтовые миниатюры с портретом любимого поэта. В письме они рассказали о своей филателистической работе.

Ответное письмо заместителя Председателя Совета Министров, министра почт и телеграфа ГДР товарища Рудольфа Шульце обрадовало ребят. Он пообещал, что марки в честь Пушкина будут изданы.

Через некоторое время министр прислал письмо на русском языке: «Дорогие комсомольцы! Разрешите поблагодарить вас еще раз за инициативу издания данных почтовых марок и пожелать вам всего хорошего в личной жизни и дальнейшем школьном образовании». К письму были приложены столь желанные марки.

Создал их профессор Вернер Клемке, член Академии худо-

зиклу. Недаром же Хвостовы-Копытовы держат руку «на пульсе жизни». Мудрый распорядитель черпает вдохновение для Бесфамильного прямо из газет:

«Сегодняшняя статья имеет к вам прямое отношение: «О повышении надоев молока». Необходимо создать рок-оперу на животрепещущую тему. Кто первый ее напишет, тот снимет все пенки. Я уже вижу афишу: «Рок-опера повышенной жирности». И танцуют на сцене коровки, и мычат в закулисье бычки».

Апофеозом шлягеромании становится гала-представление на стадионе, посвященное «Дню парикмахера». Главное, потрясти грандиозностью, массовостью, купеческим размахом. И все «звезды» спектакля: Ва́рвара Стрессова и Орфей Хрипунов, рок-группа «Пена», грозно требующая от планеты людей, чтобы они присоединились к борьбе за долив пива, Чугуевский мюзик-холл и «Дородные молодцы», опускающиеся на парашютах,— принимают участие в этом сногсшибательном представлении, которое ведет сам «создатель» — Хвостов-Копытов.

Спектакль кончается грустно, оставляет открытым вопрос, куда и как идти не только художнику, но и эстраде в целом. И не слишком ли мы сами «зашлягерились» в своих художественных пристрастиях. Нет ли и нашей вины в том, что нами же горячо любимые артисты скатываются на шлягерную дорожку, как игла съезжает с заигранной пластинки, и раздается лишь шипение... Почему подчас желаем только «потреблять» искусство, хотя в равной с художником степени ответственны за его развитие.

Шлягер, шлягер и только шлягер, но разве этим и исчерпывается наше постижение действительности, наш социальный, нравственный, духовный идеал?

Быть может, после спектакля кто-то из зрителей станет строже относиться и к своим вкусам: полезно увидеть со стороны, как смешны и глупы мнимые идеалы и идолы, понять, как они создаются и насаждаются умелыми «копытными» администраторами, разглядеть технологию конвейера «массового искусства», которое и есть результат «шлягерного мышления»...

Б. ПЕТРОВ

Фото В. Шульца

жеств ГДР, лауреат Национальной премии, выдающийся график. Его работы выставлялись в ряде стран, в том числе и в СССР. Профессор Клемке подготовил многокрасочный блок, который входит в традиционную серию, посвященную сказкам. Филателистам известны блоки на темы произведений братьев Гримм, Г. Х. Андерсена, русских народных сказок «По щучьему велению», «Чивы-чивы-чивычок». Новая работа пополнила эту серию. Марки получились изящными и декоративными. Художник весело пересказал содержание сказки, на внешних полях разместил дополнительные рисунки.

В разные годы из пяти пушкинских сказок на почтовых марках были проиллюстрированы три: «Сказка о рыбаке и рыбке» (СССР, ПНР, ВНР), «Сказка о царе Салтане» (СССР) и «Сказка о золотом петушке» (СССР). Теперь к ним прибавилась еще одна.

Выпуск почтовых марок в СССР по просьбе школьников — дело известное. Например, в ответ на обращение минских пионеров из 73-й школы появилась марка № 3487, посвященная Батьке Минаю — Герою Советского Союза М. Ф. Шмыреву, командиру 1-й Белорусской партизанской бригады. Издание почтовых марок за рубежом по просьбе советских детей — дело новое, и такую идею первыми высказали юные одесситы.

Почтовый блок, отмеченный высшей наградой,— еще одно доказательство крепнущих связей между народами СССР и ГДР.

И. ПОПЕЛЮХЕР,
учитель школы № 90
имени А. С. Пушкина

Одесса.

НОВОГОДНИЙ КАЛЕЙДОСКОП

КАБАН ВЫХОДИТ НА ДОРОГУ

Эта удивительная история произошла на псковском участке шоссе Москва — Рига. Перед «Жигулями» супругов Маршак неожиданно появился большой кабан. «Жигули» резко затормозили и остановились, водитель выключил мотор. Убедившись, что дело сделано, кабан спокойно перешел на встречную полосу, где тут же «притормозил» грузовик. Через несколько минут движение на шоссе полностью замерло. Только тогда из придорожных зарослей вышли пять маленьких кабанчиков в сопровождении весело похрюкивающей мамаши. Они гордо прошествовали по образовавшемуся «коридору» на другую сторону дороги, где их поджидал сам «глава семейства»...

ЛЕНОК И РУКАВИЦА

Василий Даниленко за свою многолетнюю рыболовную практику перепробовал, наверное, все виды наживки. Подледный лов — его хобби. Но представить, что ленок, большая пятикилограммовая рыба, обитающая в Амуре, может клюнуть... на рукавицу, было трудно даже ему, опытному рыбаку, которого, как говорится, уже ничем не удивишь.

А было так. Распутывая леску, Даниленко неожиданно обронил в лунку рукавицу. Вдруг рукавица резко исчезла под водой. На всякий случай рыбак решил вытащить соседнюю мормышку, опущенную в воду, и вдруг почувствовал, что крючок за что-то явно зацепился. Когда леска была полностью извлечена из воды, перед взглядом рыбака предстала следующая картина: блесна зацепилась за рукавицу, которую крепко держал в пасти большой ленок. Даже оказавшись на берегу, рыба долго не желала отдавать рукавицу: больно она ей понравилась...

ЦИКОРИЙ В КЕМЕРОВЕ

Представьте себе, каково было удивление ученых, обнаруживших на железнодорожной насыпи на станции вблизи Кемерова заросли... цикория. Впрочем, разгадка пришла довольно быстро. Очевидно, семена цикория «обронил» близ Тенеш проходящий поезд. Попав в благоприятный для жизни песчаный грунт, семена цикория дали великолепные всходы. Сейчас ученые изучают возможности культурного выращивания цикория в Кузбассе. Впрочем, сама жизнь доказала, что это вполне возможно...

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Старожилы села Воздвиженское, расположенного в непосредственной близости от Загорска, припоминают, что однажды еще до войны на окраине села был найден небольшой клад: несколько серебряных и золотых монет XVIII века. Тогда же специалисты, изучавшие находку, предположили, что клад принадлежал, судя по всему, богатому человеку, видимо, купцу, совершавшему «деловые поездки» из Загорска в Москву. А это значит, что пока была найдена только небольшая часть его богатств: в самом деле, зачем же было прятать всего несколько монет...

Шли годы, миф о большом кладе, спрятанном в районе Воздвиженского, развеялся, хотя деревенские ребятишки еще долго рылись на окраине села.

В последние годы рядом с Воздвиженским появились сразу три дачно-садовых кооператива. Один из домиков получил в аренду рабочий строительно-монтажного управления Михаил Боярышников. Прежде всего он решил возделать огород... Когда лопата резко ударилась о что-то металлическое, Михаил решил, что натолкнулся... на бомбу. Но война не коснулась этих мест. Сообразив, что на этот раз земля приготовила какой-то другой сюрприз, Боярышников стал смелее. С помощью соседей он извлек два плотно окованных железом сундука. В них было более двух тысяч золотых и серебряных монет с двуглавым орлом. Интересно, что один из сундуков оказался дырявым. Очевидно, отсюда и выкатились каким-то образом монеты, найденные несколько десятков лет назад.

Специалисты были правы...

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька» подготовил к печати **А. КУРЕПОВ.**

ЧТО ВЫ РЕКЛАМИРУЕТЕ?

В номере 49 «Огонька» за прошлый год прочитал заметку читателя А. Шакирзянова из Казани «Амфибия», побывавшая в космосе»,— о часах, которые космонавт Г. Гречко подарил музею трудовой славы чистопольского часового завода. А знаете, уважаемая редакция, что вы рекламируете?

Часы этой марки нигде в Москве не принимают в ремонт, даже самый мелкий. Моя «Амфибия» чинилась в Чистополе два месяца восемнадцать дней. Заводские умельцы меняли заводную головку. Сейчас беда с минутной стрелкой. Опять надо идти на почту, оплачивать ценную бандероль, а это 3—4 рубля плюс двухтрехмесячное ожидание. Не слишком ли?

Преклоняюсь перед дальновидностью летчика-космонавта Г. Гречко, отдавшего свою «Амфибию» в музей, а то бы намаялся! Хотелось бы и мне мою полуслепую в музей, да, боюсь не возьмут: не так знаменита.

С Новым годом, дорогие чистопольцы!

О. ГОЛУБИЦКИЙ,
ветеран Великой Отечественной войны

Москва

НОВОГОДНИЙ КАЛЕЙДОСКОП

А. Абаджиев | Э. Асадов | К. Барыкин | Ю. Бондарев | С. Бондарчук | Д. Валовой

С. Дангулов | Д. Дебабов | Д. Демин | В. Джанибеков | В. Савиных | Н. Доризо

Т. Кузовлева | М. Куприянов, | П. Крылов | Н. Соколов | К. Кулиев | К. Лавров

П. Оссовский | Н. Копаневич (Н. Павлов) | И. Падерин | Н. Перекалина | О. Петриченко | С. Петрухин

Д. Воздвиженский | Ц. Солодарь | И. Стаднюк | И. Стрелкова | Б. Угаров | С. Федоров

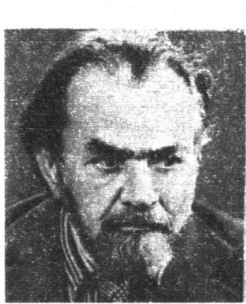

О. Шмелев

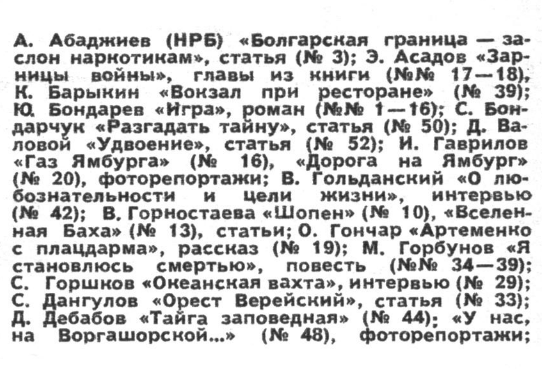
Е. Шукаев

Г. Эмин

Л. Яшин

А. Абаджиев (НРБ) «Болгарская граница — заслон наркотикам», статья (№ 3); Э. Асадов «Зарницы войны», главы из книги (№№ 17—18), К. Барыкин «Вокзал при ресторане» (№ 39); Ю. Бондарев «Игра», роман (№№ 1—16); С. Бондарчук «Разгадать тайну», статья (№ 50); Д. Валовой «Удвоение», статья (№ 52); И. Гаврилов «Газ Ямбурга» (№ 16), «Дорога на Ямбург» (№ 20), фоторепортажи; В. Гольданский «О любознательности и цели жизни», интервью (№ 42); В. Горностаева «Шопен» (№ 10), «Вселенная Баха» (№ 13), статьи; О. Гончар «Артеменко с плацдарма», рассказ (№ 19); М. Горбунов «Я становлюсь смертью», повесть (№№ 34—39); С. Горшков «Океанская вахта», интервью (№ 29); С. Дангулов «Орест Верейский», статья (№ 33); Д. Дебабов «Тайга заповедная» (№ 44); «У нас, на Воргашорской...» (№ 48), фоторепортажи;

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» за 1985 год

И. Гаврилов | В. Гольданский | В. Горностаева | О. Гончар | М. Горбунов | С. Горшков

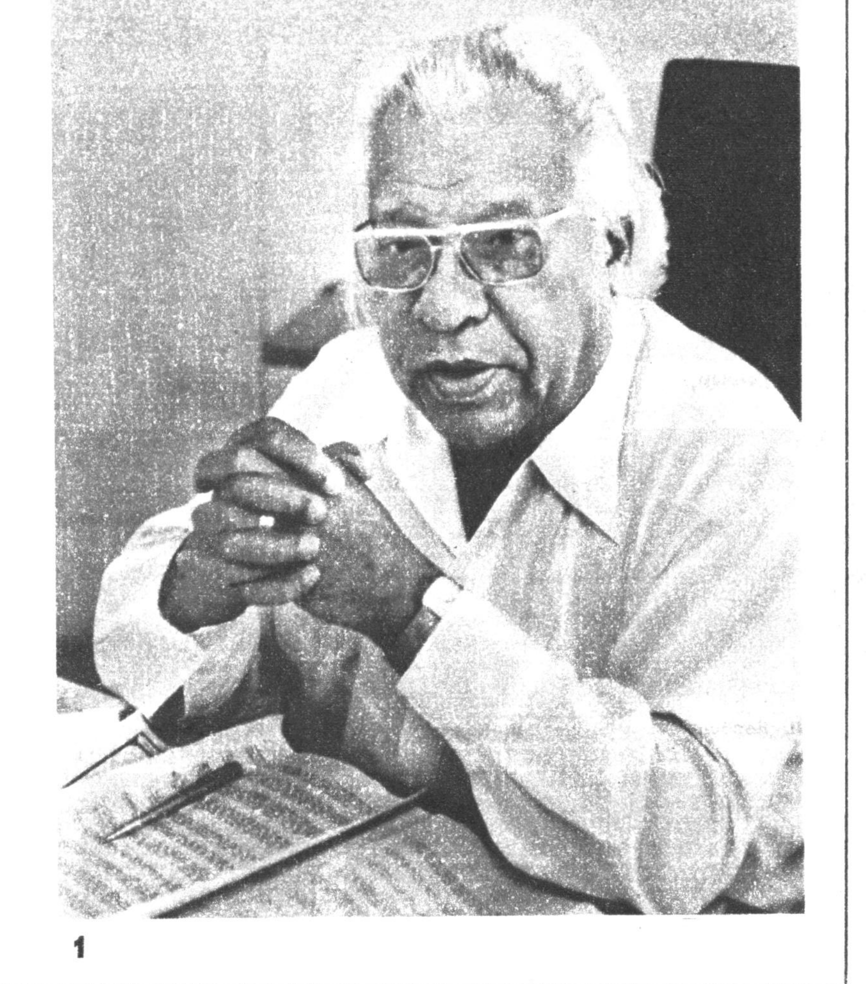
Д. Драгунский | И. Золотусский | Зульфия | Л. Кербель | В. Ковнат | В. Кожинов

Д. Лихачев | С. Лосев | В. Петрусенко | Й. Милев | Е. Носов | Б. Олейник

С. Поделков | Н. Рахманов | И. Роя | А. Рубинов | В. Рынкевич | Н. Свиридова

М. Корчагин | Н. Хлебодаров | Н. Храброва | Ю. Чернов | В. Чичков | Е. Шевелева

Д. Демин, стихи к политическим карикатурам художников Кукрыниксы; В. Джанибеков и В. Савиных, цветная вкладка (№ 52); Н. Доризо «Твоя солдатская душа», стихи (№ 16); Д. Драгунский «Настасья», рассказ (№ 51); И. Золотусский «Зерна и плевелы», статья (№ 50); Зульфия (З. Исраилова) «Костер горящий», стихи (№ 11); Л. Кербель «По велению сердца», статья (№ 6); В. Ковнат, серия репортажей из ФРГ (№№ 2, 5, 8, 22, 25, 30, 50); В. Кожинов «Что за звуки! Неподвижен внемлю...», статья (№ 43); Н. Копаневич (Н. Павлов) «Вернуться в жизнь», очерк (№№ 48—50); Т. Кузовлева «Живая вода», поэма (№ 3); Кукрыниксы — М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов, серия политических карикатур; К. Кулиев «Любовь навсегда остается», стихи (№ 14); К. Лавров «О главном», статья (№ 45); Д. Лихачев «Культура и мы», интервью (№ 36); С. Лосев, В. Петрусенко «Семь дней в декабре», очерк (№№ 17—20); Й. Милев «Зеленые сосны», стихи (№ 34); Е. Носов «Курские холмы», рассказы (№ 10); Б. Олейник «Вечное», стихи (№ 42); П. Оссовский «Ороско», статья (№ 49); И. Падерин «В родном полку», очерк (№ 27); Н. Перекалина «Балл за качество», статья (№ 31); О. Петриченко «Солдат полков прорыва», очерк (№ 19); С. Петрухин «Летний сад», «Первенец», цветные вкладки (№№ 33, 44); С. Поделков «Время — ритм земли», стихи (№ 28); Н. Рахманов «Стены Кремля», цветная вкладка (№ 35); И. Роя «Цветите, яблони», поэма (№ 7); А. Рубинов «Хулиган с телефоном», статья (№ 41); В. Рынкевич «Ее день», рассказ (№ 6); Н. Свиридова, Д. Воздвиженский «Мечтатель», первая обложка (№ 46); Ц. Солодарь «Крах», очерк (№№ 34—35); И. Стаднюк «Москва, 41-й», роман (№№ 22—33); И. Стрелкова «О Семиполатинске подробнее», очерк (№№ 10—12); Б. Угаров «О картине...», статья (№ 4); С. Федоров (литературная запись М. Корчагина (М. Буйнов) «Срочно требуются дирижеры!», беседа (№ 37); Н. Хлебодаров «Доходы от... отходов» (№ 26); «Время электроники» (№ 49), репортажи; Н. Храброва «Честь мундира», очерк (№ 25); Ю. Чернов «Утро бессмертия», рассказ (№ 45); В. Чичков «Давид Сикейрос», статья (№ 14); Е. Шевелева «Прорыв», поэма (№ 15); О. Шмелев, серия очерков (№№ 12, 28, 34, 38, 46); Е. Шукаев, иллюстрации к повести М. Горбунова «Я становлюсь смертью» (№№ 34—39); Г. Эмин «Весна сорок пятого...», стихи (№ 30); Л. Яшин «Лицом к лицу с форвардами», очерк (№№ 24—25).

1

2

4

6

7

3

5

Дорогие читатели! В новогоднем номере «Огонек» приглашает вас принять участие в фотовикторине. Мы назвали ее «Мои встречи с мастерами культуры», потому что это будет рассказ о ваших встречах с писателями, музыкантами, актерами театра, эстрады и кино из братских стран социализма. Таких встреч, мы уверены, у каждого было немало: ведь культурный обмен между нашими странами постоянно растет и расширяется.

Только в минувшем году у нас гостило более ста различных коллективов из социалистических государств. Это были эстрадные группы, симфонические оркестры, фольклорные ансамбли, драматические, оперные театры, представители национального балета, а по экранам прошло почти семьдесят фильмов, созданных кинематографистами. С мастерами культуры стран социализма вы встречаетесь постоянно: на голубом экране, в кинозалах и радиопередачах, в библиотеках, в театре родного города, где, возможно, идут пьесы драматургов этих стран. Вы вступаете в спор с друзьями по поводу романа болгарина Павла Вежинова или повести Германа Канта, недавно изданной в Берлине, выясняете у знакомых, как фамилия болгарского актера, который так замечательно сыграл в фильме роль Карла Маркса, и ищете по магазинам новый диск полюбившейся вам звезды югославской эстрады Радмилы Караклаич.

В фотовикторине «Мои встречи с мастерами культуры» мы приглашаем принять в ней участие каждого, у кого есть хоть одна такая памятная встреча. Особенно интересно услышать мнение тех, кто увлеченно собирает в своем доме книги полюбившихся писателей, поэтов, кто коллекционирует пластинки любимых звезд эстрады или классической музыки в исполнении прославленных певцов и музыкантов дружественных стран, а также тех, кто считает себя в душе театроведом или знатоком зарубежного кинематографа. В таком случае не ограничивайтесь ответами на конкретные вопросы викторины и присылайте нам свои размышления и предложения; с кем из деятелей культуры стран социализма вы хотели бы встретиться на страницах «Огонька», о чем хотели бы узнать?

Итак, перед вами семь снимков, отобранных из редакционного архива. Это всего лишь несколько страниц из поистине необъятной фотолетописи нашего сотрудничества с братскими странами в области культуры. Вам предстоит дать не только правильную подпись к этим фотографиям, но и ответить на несколько дополнительных вопросов.

1. Эту фотографию подарил «Огоньку» известный поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Назовите имя прославленного поэта. Что вы знаете о его творчестве? Назовите также своих любимых писателей, поэтов, драматургов из стран социализма и расскажите, что привлекает вас в их творчестве?

2. Фоторепортер запечатлел встречу двух всемирно известных балерин. Назовите имена этих прославленных танцовщиц. Одна из них руководит Национальным балетом своей страны. Что вы знаете об этом выдающемся мастере культуры?

3. Талант этого замечательного оперного актера известен далеко за пределами его родины. В его творческой биографии — ведущие партии, исполненные на оперных сценах многих стран мира, в том числе знаменитого «Ла Скалы». Назовите имя этого актера, какую роль исполнил он на сцене Большого театра Союза ССР? Какие драматические, оперные спектакли, созданные мастерами культуры из социалистических стран, вам довелось увидеть и услышать и чем они вам понравились? Если такие спектакли есть в репертуаре ваших городских театров, расскажите о них.

4. Многие песни своего репертуара эта эстрадная певица исполняет на русском языке. Что вы знаете об этой звезде эстрады? На каком известном фестивале она впервые победила? В какой стране, в каком городе проходит конкурс советской песни и кто завоевал на нем главный приз в минувшем году? О каких конкурсах и фестивалях песни в социалистических странах вы можете рассказать?

5. Недавно у этого певца был юбилей — 20 лет совместной работы с известным эстрадным оркестром. Он прекрасно поет, великолепно держится на сцене, снимается в кино и очень популярен не только в своей стране. Кто он, этот прославленный мастер? Кого из звезд эстрады — соотечественников этого певца — вы знаете? Расскажите о своем любимом эстрадном исполнителе. что привлекает вас в нем? Какими из пластинок вашей домашней фонотеки вы особенно дорожите и почему?

6. Актер, которого вы видите на снимке, снимался во многих художественных фильмах, а также в многосерийном телефильме, с успехом демонстрировавшемся на голубых экранах нашей страны. Назовите этого актера. Кто автор книги, которая положена в основу сценария телефильма? Назовите наиболее запомнившиеся вам фильмы телевидения социалистических стран, расскажите, чем они вас привлекли?

7. Перед вами — кадр из фильма, снятого советскими кинематографистами в содружестве с коллегами из социалистической страны. Какой это фильм и в содружестве с какой страной он создан? Какие совместные кино- и телепостановки вам известны?

Ежегодно в странах социалистического содружества проходит несколько фестивалей художественного, документального, мультипликационного кино. В какой стране проводится кинофестиваль, девиз которого «Фильм мира — за мир во всем мире»? Высшей наградой этого фестиваля является «Золотой голубь». Кому он был вручен в минувшем году? Какие совместные кинопостановки вы видели и какие из них вам наиболее запомнились?

Для ответа на вопросы нашей фотовикторины у вас не так много времени. Срок присылки ответов не позднее 30 апреля! Дата будет определяться по почтовому штемпелю. А итоги викторины будут объявлены в последнем майском номере «Огонька».

30 победителей нашей викторины, ответивших наиболее полно или наиболее интересно, получат в качестве награды книги, пластинки и фотографии с личными автографами мастеров культуры социалистических стран. Самые интересные из ответов будут опубликованы в «Огоньке».

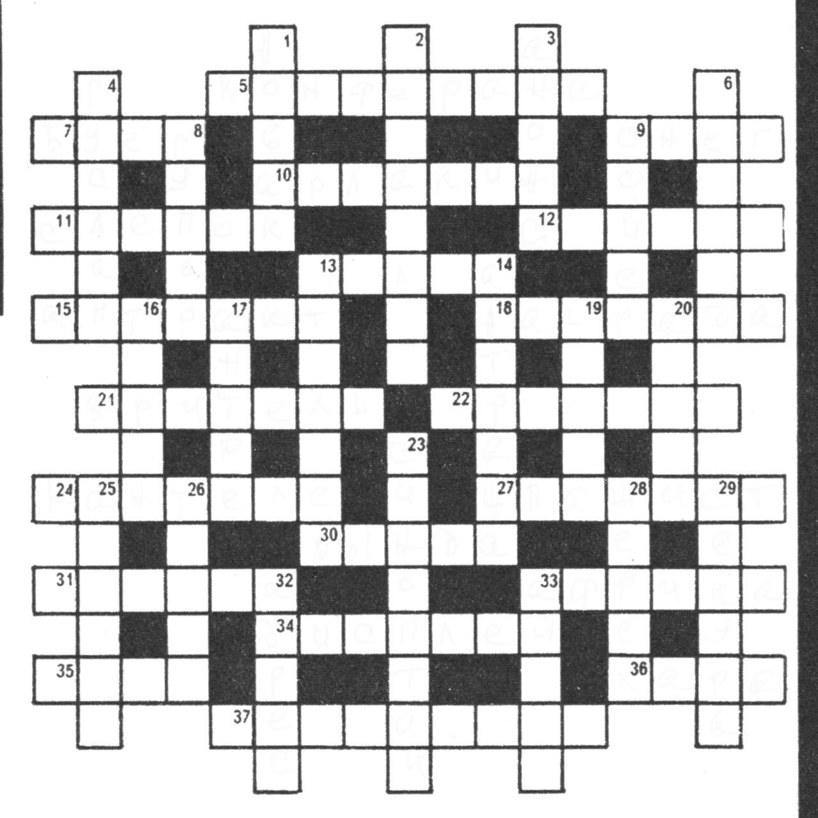
Ждем ваши письма с ответами, а также ваши предложения, с кем из мастеров культуры стран социализма вы хотели бы встретиться на страницах журнала.

Не забудьте сообщить о себе — имя, фамилию, возраст, профессию. Наш адрес: Москва, ГСП. Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек». На конверте сделайте пометку: «Фотовикторина «Мои встречи с мастерами культуры». (Материалы, присланные на викторину, не возвращаются.)

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Эстрадный жанр, связанный с объявлением номеров программы. 7. Спортивная лодка или платформа с парусом на коньках. 9. Зимние атмосферные осадки. 10. Традиционный персонаж итальянской «комедии масок». 11. Копия скульптуры. 12. Кит-полосатик. 13. Звезда в созвездии Девы. 15. Перерыв между действиями спектакля. 18. Благодарность, почетный знак, орден. 21. Посетитель театра, кино. 22. Восьмистишие. 24. Карело-финский музыкальный инструмент. 27. Спортсмен-фехтовальщик. 30. Судовой колокол. 31. Русская народная песня. 33. Материк. 34. Устройство визуального отображения информации на экране. 35. Водоплавающая птица. 36. Чилийский певец, исполнитель революционных песен. 37. Народный художник СССР, автор картины «Отдых после боя».

По вертикали: 1. Тяжелоатлет, первый советский чемпион мира. 2. Украинский, русский, белорусский танец. 3. Предварительное объявление о спектакле, концерте, лекции. 4. Советский самолет, на котором установлено свыше двадцати мировых рекордов. 6. Животное семейства кошачьих, занесенное в Красную книгу. 8. Труба для усиления звука. 9. Мальчик, герой повести М. Твена. 13. Кинорежиссер, народный артист СССР. 14. Прыжок в балете. 16. Советский почвовед, академик. 17. Комическая сценка в цирке. 19. Советский писатель, переводчик произведений фольклора. 20. Стихотворение А. С. Пушкина. 23. Метеоролог. 25. Река в Колумбии. 26. Рассказ А. П. Чехова. 28. Рыба семейства карповых. 29. Дальневосточная вишня. 32. Письменное поздравление юбиляру. 33. Народный писатель Узбекистана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 3. Ухтомский. 7. Самбист. 8. Энергия. 9. Декабрист. 11. Ноктюрн. 13. Таганай. 15. «Порог». 17. Сараево. 18. «Арсенал». 20. Радда. 21. Траверз. 24. Педагог. 26. Генератор. 27. Жерлица. 28. Елисеев. 29. Планеризм.

По вертикали: 1. Яхтсмен. 2. Пианист. 4. Мольберт. 5. Машук. 6. Цицин. 9. Драматург. 10. «Тангейзер». 12. Туманов. 14. Аллаиха. 15. Повар. 16. Горка. 19. «Здоровье». 22. Агеев. 23. Зерцало. 24. «Подлиза». 25. «Гонец».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «С Новым годом!» Учащиеся Томского областного культпросветучилища Татьяна Шампурова и Александр Кириллов поздравляют своих земляков. (См. в номере материал «Сибиряки».) Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Последние часы уходящего года. (См. в номере материал «Часы семейные».) Фото Н. Рахманова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.12.85. Подписано к печати 25.12.85. А 00441. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 269. Заказ № 1852.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НОВОГОДНИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Летают тут всякие...

Фото в «Новогоднем калейдоскопе» Ф. Достала, Ю. Садовникова, Н. Мишанова, В. Ларионова, Б. Кремера, В. Заболотских, В. Пилипюка

СТО СЛОВ

ЮМОРЕСКА

Светлана ВОЗЛИНСКАЯ

Селиванов прочел в вечерней газете, что у некоего гражданина живет попугай Веня, который знает тысячу слов. Селиванов покрутил головой и позвал жену Машу.

— Маша, тут пишут, что попугай тысячу слов знает,— сказал он.

— Мало ли чего не напишут...— пожала плечами Маша.

— Да ты сама-то небось столько слов не знаешь! — обиделся Селиванов.

— Это почему же? — равнодушно спросила Маша, переставляя хрустальную вазу с серванта на середину стола.

— А вот не знаю почему. Родилась, наверное, такая! — сердито сказал Селиванов и позвал сына-семиклассника.

— Юрка! А наша Маша и тыщи слов не знает!

— Ну да! — так же равнодушно отозвался Юрка. — Чего это она так?

— Да откуда ты знаешь, сколько я знаю, а сколько нет! — поджала губы задетая за живое Маша.

— А давай проверим! — воскликнул Селиванов.— Будем все твои слова записывать, потом подсчитаем, сколько всего будет...

— Ты свои записывай,— сказала Маша.

— И свои запишу, не беспокойся,— язвительно отвечал Селиванов.— Юрка, ты вот тут на двери палочки карандашом черти. Потом сплюсуешь.

— Угу,— сказал Юрка и сбегал за карандашом.

Минуту сидели, не зная, что сказать.

— Начинай, Маш,— сказал Селиванов.

— Чего начинать-то? — посмотрела на него жена.

— Ну чего ты обычно говоришь-то? — предложил Селиванов.— То и говори...

— Ну... Включи телевизор...— нехотя сказала Маша, и Юрка немедленно начертил карандашом палочку на дверях.

Включили телевизор. Стали смотреть. Во время передачи Селиванов трижды крикнул на вратаря «Козел!», и Юрка спросил, как это слово записывать, как одно или как три.

— А вот я тебе сейчас покажу «как сколько»,— привстал Селиванов, а Юрка чего-то там изобразил на двери. После хоккея показали театральные встречи, и говорить стало не о чем. Спектаклей этих, про которые там рассказывали, Селиванов не видел, так что сказал только одно слово:

— Мура! — выключил телевизор и лег спать.

На другой день было воскресенье, и Селиванов пошел с другом Арканей пить пиво. За пивом он, как всегда, произносил одни и те же слова, только склонял по-разному и подумал, что Юрке надо сообщить, что за пивом произнес он десять слов. Правда, при этом он слегка удивился, потому что считал, что беседа прошла очень содержательно, а оказывается, произнес-то он всего десяток слов, правда, склоняя их на все лады. После пива дома эксперимент продолжался. Мать, оказывается, за это время произнесла только пять слов. «Убери свою комнату!» — Это сыну. И «Дрянь паршивая!» — имея в виду кошку. Когда Селиванов пришел, она спросила: «Есть будешь?» и «Завтра премию давать будут?». Потом опять включили телевизор. Шла седьмая серия фильма «Барс убивает по четвергам». Серию смотрели молча, потому что разговоров во время серий оба не любили. Потом легли спать.

В конце недели Юрка подвел итоги.

— Мама за неделю произнесла восемьдесят слов, из них тридцать — уже бывших в употреблении. Итого — пятьдесят.

— А ты откуда знаешь? — спросила рассерженная мама.

— А я на бумажке их записывал,— объяснил Юрка.

— А я? — спросил Селиванов.

— А ты семьдесят. Из них двадцать одинаковых...

— Это что ж выходит, мы всего сто слов знаем? — спросил хмуро Селиванов.

— Угу,— сказал Юрка и скрылся в своей комнате...

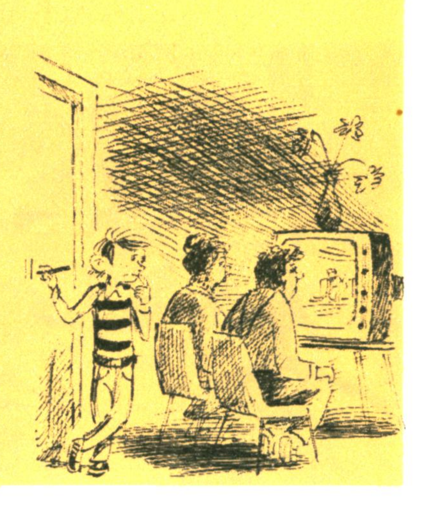

Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА
Елки, которые нам мешают
Елка взяточника.
1 СОРТ
1 СОРТ
Елка бракодела.
ЗАЙДИТЕ ЗАВТРА
ПРИЕМА НЕТ
ОБЕЩАЮ РАЗОБРАТЬСЯ
ПРИНЕСИТЕ СПРАВКУ
Елка бюрократа.
Елка лодыря.
Елка подхалима.
Расточительная елка.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663